

МАРИЯ МЕНЬШИКОВА

НА ОБОЧИНЕ ЖИЗНИ

ТВОЯ ЖИЗНЬ - В ТВОИХ РУКАХ.

Мария Меньшикова

На обочине жизни

«Автор»

2024

Меньшикова М.

На обочине жизни / М. Меньшикова — «Автор», 2024

Фаина родилась в неблагополучной семье. Она была из тех детей, которых обычные люди предпочитают избегать, считая их отбросами общества. Девочка выросла, но её жизнь не стала лучше. Каждое новое событие сбивало её с ног, мешало двигаться дальше и не давало покинуть обочину жизни. Но однажды Фая решила принять вызов судьбы и начать борьбу за право жить и быть счастливой.

© Меньшикова М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мария Меньшикова

На обочине жизни

Предисловие

Эта история началась в тот день, когда я, хромая, вылетела из дверей квартиры, которую до этого момента считала своим уютным семейным гнёздышком. Я сама себя убеждала в этом день за днём долгие восемь лет. Нет, почему долгие? Годы пролетели быстро.

Итак, чувствуя боль во всём теле, я вывалилась в подъезд из квартиры. В голове стучала единственная мысль: «Бежать!». Даже лифт я не стала ждать, а буквально поползла по лестнице, кое-как прижимая к груди сумочку с единственной имеющейся у меня ценностью: паспортом.

Да, кто-то закатит глаза и скажет, что я лишь очередная жертва абьюзера. Тьфу, слово такое неприятное! Кто только его придумал? Нет, я жертва насилия, причём от рождения. И прежде чем мы вернёмся к моменту, когда я выскочила из своей квартиры, хочу немного рассказать о себе.

Зовут меня Фаина. Жуткое имя на мой взгляд! Полным именем меня никто почти никогда не называл. Я всегда Файка, Фая, а младшая сестра зовёт меня просто – Фуфайка. И это не название одежды, это от выражения «Фу! Файка!»

Когда я родилась, у меня была бедная, но вполне нормальная семья. Папа работал сантехником, мама дворником. Да, не самые престижные профессии. Папина, например, его убила. Не знаю, какой недалёкий человек придумал благодарить сантехников за работу водкой? Я бы его нашла и заживо закопала. Или подожгла бы, села рядом и смотрела, как он горит. Впрочем, наверное, он и так горит в пламени ада.

Пока я была маленькая (ну не совсем маленькая, а ровно настолько, насколько сохранились воспоминания) папа ещё пил немного. Бывало, он приходил с работы поддатый. Это было понятно по его блестящим глазам и приподнятому настроению. В такие дни он подходил ко мне, доставал из кармана карамельку или леденец, и чуть заплетающимся языком сообщал:

– Только тс-с-с! Маме – ни слова! – и заговорщицки мне подмигивал. Я прятала подарок и долго берегла его. Наша семья не могла позволить себе покупать сладости. К чаю у нас было варенье, иногда недорогое печенье. Поэтому любые конфеты я не съедала сразу, а берегла.

Папа пил всё больше и больше, постепенно уничтожая себя. Пил, бил меня, маму и бабушку. Впрочем, мама меня тоже поколачивала. Не слушаюсь? Подзатыльник. Громко кричу? Ремнём по попе. Разбила тарелку? Оплеуха. Да и бабушка меня никогда не жалела. Все вчетвером (сестра появилась значительно позже и почти не застала того времени) мы жили на первом этаже двухэтажного дома, в маленькой двухкомнатной квартирке, где одна комнатка изолированная, друга проходная. Кухня тоже крошечная, ну просто со спичечный коробок! И бабушка терпеть не могла нас всех. Она называла нас не семьёй, а табором, ходила всегда с недовольным лицом и много, ну просто очень много, ругалась матом. А я повторяла все её слова в садике, за что воспитательница ставила меня в угол и грозила заклеить мне рот клеем.

Надо сказать, что бабуля – отдельная тема для рассказа, но я углубляться в воспоминания не буду. Собственно, не удивительно, что её сын начал спиваться. Она и сама была любительницей «заложить за воротник». И если у папани настроение после горячительного поднималось, то у бабушки портилось. Она начинала кричать, что всех выгонит из своей квартиры, что мы все её достали. Что она в собственном доме не может пукнуть без свидетелей. Простите мне мой французский, но я практически выросла на улице и более-менее хорошие манеры приобрела, уже будучи взрослой. А здесь не могу не привести её дословное выражение.

Пока я ходила в садик, мне моя жизнь казалась нормальной. Я не думала, что бывает как-то по-другому. Но стоило мне пойти в школу...

– Приходи ко мне на день рождения! – радостно пригласила моя соседка по парте Катя, протягивая мне листочек, где она собственноручно вывела «Приглашение» и нарисовала цветочки.

Я обрадовалась. До этого я никогда не была на днях рождениях. Только внутри нашей семьи. А это всегда проходило одинаково: немного скромной еды, типа салата и селедки с картошкой, и много водки. Родственников у родителей не было. У папы вроде был где-то далеко, во Владивостоке двоюродный брат. О маминной родне я ничего не знала.

– Меня в капусте нашли, – ухмылялась мама. – Причём сразу взрослой!

Но я опять отвлеклась. А тот день рождения стал для меня серьёзным испытанием. Мама, услышав, что меня пригласили в гости, расщедрилась и купила большую плитку шоколада. Я такую получала только на Новый год. Как я несла её! Словно в моих руках было настоящее сокровище. С какой радостью я протянула свой подарок Кате, но...

– Спасибо, – чуть насмешливо произнесла моя одноклассница и небрежно швырнула шоколадку на стол. Там стояли плюшевые игрушки, лежали красивые тетрадки, раскраски, пара новых роскошных бантов, коробка конфет, которые я никогда не ела... Моя шоколадка на фоне таких подарков смотрелась смешно и нелепо.

Стол ломился от вкусовностей. Сейчас такое на праздники уже не готовят, но тогда оливье, крабовый салат, нарезка овощей и фруктов, сыра и колбасы – это всё было вкусно, красиво и празднично. Но мне кусок в горло не лез. Помню, что даже торт меня не обрадовал.

Не знаю, специально так получилось, или случайно, но после того дня рождения меня никто и никуда больше не приглашал. Постепенно надо мной стали посмеиваться, а позже случилось непоправимое.

Когда мне было восемь, мама родила ещё одного ребёнка. Причём всю беременность она страшно ругалась с отцом, и как я поняла из её разговоров, она ещё одного ребёнка не хотела. Но сроки для аборта вышли.

После появления моей сестры, названной Мариной, отец совсем скатился и пил уже не просыхая. Вместе с ним пила и его мать, моя бабуля. И каждая попойка заканчивалась скандалом. Иногда к их компании за столом присоединялась и мама. В такие дни я брала Марину, укутывала её потеплее, укладывала в коляску и выходила во двор. Я гуляла возле дома, поглядывая на окно кухни. Первый этаж, штор у нас там не было, а папа курил прямо в окно. Вот как только он переставал мелькать у форточки, так мы с Мариной и возвращались.

Марина росла капризным ребёнком. Она много орала и капризничала, будучи младенцем. И это страшно бесило бабушку. И если бы я не уходила из дома, они с отцом просто поубивали бы друг друга и нас заодно. Впрочем...

Марина заболела как-то, и мама запретила мне с ней гулять. И, конечно же, моя сестра расплакалась в самый разгар застолья. Пока я, взмокнув от напряжения, качала свою сестру, с кухни раздался мат, а потом грохот и крики. Я испугалась, но не грохота. На нашей кухне и не такое бывало. Просто крики были такие... Схватив Марину, я интуитивно спряталась с ней в шкаф, где меня позже обнаружила милиция.

Выяснилось, что папа в приступе ярости, схватил нож и убил бабушку. Мама, ставшая очевидицей этого события, заперлась в ванной, в страхе, что муж решит расправиться и с ней. Соседи, услышав крики, вызвали милицию.

Отца посадили, нас сестрой временно забрали в какой-то центр, но мне там е понравилось. Потом нас забрала мама, и потекла новая жизнь.

Она не была сильно лучше, чем моя старая. Евгения Максимова, моя учительница, зачем-то рассказала всем, что сделал мой отец, и до окончания девятого класса, со мной не то что

никто не дружил, со мной старались без необходимости даже не разговаривать. Дочь уголовника – вот моё клеймо.

Классе в восьмом я стала убегать из дома. Вела вполне разгульный образ жизни. Дело не в отсутствии нормального воспитания. Хотя, может, и в этом тоже. Помню, что в те годы я просто не могла видеть мать. Она меня раздражала. После ареста папы мама стала почти всё своё внимание уделять Марине. И вся моя жизнь стала напоминать сказку о золушке: помыть, постирать, приготовить всем обед...

– Купи мне новые колготки! – как-то попросила я, показывая зацепку на старых.

– Носить аккуратнее нужно, – поджала губы мама. – Не могу! Нужно Мариночке витаминов купить. А ещё она куклу просила.

И так всегда. Что бы я ни попросила, свободных средств у мамы не было. Так что не удивляйтесь и не судите меня за то, что я сбегала из дома и «тусовалась» со всякими отморозами. Среди них я не чувствовала себя одинокой и ненужной.

После девятого класса я ушла учиться на повара. Мне показалось, что это самая простая профессия. Готовила сама я чуть ли не с младенчества, но только учась, вдруг почувствовала в себе настоящую тягу к кулинарии. Здесь меня хвалили. В училище же у меня появились новые друзья.

Но и старые никуда не делись. Один мой приятель, не буду даже имени его называть, сел на наркоту. Сам продавал, сам употреблял. Как-то и меня пытался склонить к распространению. Деньги были заманчивые, но я отказалась в последний момент. Помню ту встречу: вечер, мы стоим возле расселённого барака на окраине города.

– Не буду, – сказала я. – Прости. Не хочу за отцом отправиться.

И уже хотела уйти, как откуда-то, словно из воздуха материализовались какие-то мужики. Тихо и быстро, они скрутили нас, засунули в машину и привезли в милицию. Ой, нет, уже в полицию. Мне на тот момент было восемнадцать, а моему приятелю двадцать четыре.

И здесь моя жизнь сделала очередной вираж, который и привёл к началу этого рассказа. Именно здесь, в отделении полиции, я познакомилась со своим будущим мужем, заместителем начальника отделения, подполковником Фёдором Михайловичем Груздевым, которому на тот момент было почти сорок лет.

Опять же, не судите меня за связь с человеком, намного старше меня! Роман начинался с простых встреч. Федя окружил меня такой заботой, которую я никогда не знала. Дарил цветы, подарки, покупал одежду, подарил телефон. Мама, видя его ухаживания, часто шипела мне:

– Не вздумай такой шанс упустить! В люди выбьешься! Нам поможешь! И не строй из себя невинность!

А я не понимала, о каком шансе идёт речь. Разве не мой отец – уголовник, умерший на зоне? Разве может такой галантный и приятный во всех отношениях мужчина на такой должности, связать жизнь с девчонкой, выросшей фактически на улице? Но дело дошло до брака. Уже через полгода после нашего знакомства мы расписались, и я переехала к мужу.

Первый год был самым счастливым в моей жизни! Я работала поваром, помогала деньгами маме и сестре. Те даже смогли сделать ремонт. Потом Федя настоял, чтобы я сидела дома, и я согласилась. Мне нравилось жить в трёх комнатах, с отличным ремонтом, современной мебелью и техникой. Я следила за порядком, готовила, даже приобрела несколько цветов в горшках. И получала от всего этого колоссальное удовольствие.

Где-то через год Федя впервые меня ударил. Просто за вопрос:

– Как прошёл день?

Он был зол. Очень зол. Потом извинялся, говорил, что на работе проблемы. Но это не стало единственным разом. Ещё через год побои стали моими постоянными спутниками семейной жизни. На пятый год я хотела развестись и вернуться домой, но мама категорически сказала:

– Разведёшься – живи на улице! Ты о нас с Мариной подумала? Как мы ещё один рот прокормим? Маринка не работает, я пенсию получаю. Копеечную! Кстати, ей нужны новые сапоги, дай денег!

Я молча достала две тысячи, которые мама буквально вырвала из моих рук, а после вытолкала за дверь с возгласом:

– Не смей разводиться! Домой не пуцу! Ты меня знаешь!

На улице я встретила Маринку. Та сидела у подъезда, болтала по телефону (купленному мной, между прочим), одной рукой качая коляску. Она родила неизвестно от кого, бросила учёбу и сейчас всеми силами искала отца для своего Санечки.

Мне тоже хотелось детей. Но именно в тот год, когда я задумалась о разводе, я потеряла ребёнка. Федя пришёл домой пьяный, и несмотря на то, что я была на пятом месяце, поколотил меня за недостаточно вкусный ужин.

Я терпела ещё три года, пока однажды он не схватил нож. Перед глазами пронеслась вся жизнь, и я уже не помню, как смогла сбежать. Помню, как выскочила из дома, прижимая к груди сумочку с паспортом, и как поковыляла по лестнице на улицу... А на улице ночь.

И здесь начинается моя история, в которой нет места добрым родственникам, феям и волшебникам. Есть место только страстному желанию: жить.

Глава 1

Фаина, выскочив во двор, пулей понеслась прочь от прежней жизни. Даже когда она задумалась о разводе впервые, её одолевали противоречия. Категорический отказ матери принять дочь обратно в свой дом, подействовал на неё довольно сильно. Фая провела почти всю жизнь в нищете и лишениях, и в тот момент казалось, что добровольно уйти от мужа в никуда она просто не сможет. Но жизнь сама пнула её и пнула весьма и весьма сильно.

Сегодня Фая дала отпор. Она сама, неожиданно для себя вспомнила, что она девушка не из робкого десятка. Жизнь в ужасных условиях её закалила. Но когда Фёдор схватил нож, Файка поняла: нужно тикать из дома, и как можно быстрее. Что она и сделала, преодолевая боль от побоев во всём теле.

«И куда мне идти? – пыталась сообразить Фая. – К маме нельзя. Она Феде сразу позвонит. Подруг и друзей у меня нет. Опять же, Феде спасибо! Отвадил всех. Работы нет, денег нет».

Фая увидела скамейку, села и открыла сумочку. Она знала, что здесь лежит паспорт, поэтому схватила именно её. Порывшись, она нашла немного денег. В общей сложности чуть больше тысячи рублей. А ещё в сумочке лежали расчёска, зеркальце, упаковка бумажных платков и конфетка. Вот и всё её имущество.

Тело ныло страшно. Боль заполняла каждую клеточку. Возможно, впервые получив отпор от жены, Федя вошёл ещё в больший раж и отделал её «как следует». Фая даже на секунду подумала, не пойти ли ей в больницу. Но почти тут же передумала. Там сразу сообщат в полицию, а полиция – это Федя. У него и связи, и должность. Сейчас он уже полковник и занял место своего бывшего шефа. Теперь он руководит отделением полиции.

Бил он всегда так, чтобы не оставлять следов на лице жены. Да и на теле часто не оставалось синяков. Как он это делал, она не знала. Но сегодня Федя слишком разошёлся, и Фая чувствовала, что без синяков не обойдётся.

На улице стало совсем прохладно. Май – это ещё не лето. Днём и до двадцати прогревается, и даже двадцать пять уже было, но ночи очень холодные. Фая выскочила из дома в спортивном костюме, в котором делала сегодня уборку, и в лёгкой куртке. Этого было недостаточно, чтобы согреться. Встав со скамейки, Фаина побрела дальше. Двигаться лучше, чем медленно замерзать, сидя на одном месте.

Сил идти не было. Хотелось лечь, завернуться в тёплое-тёплое одеяло и уснуть. А проснуться дома, лет так восемь назад и отказаться выходить замуж. Но всё это было так же нереально, как сейчас найти место для ночлега.

Фая шла, не разбирая дороги, но сторонясь основных улиц. Она знала, что в городе полно камер, по которым её может отследить и найти муж. Но Файка твёрдо решила: к нему не возвращаться. Да и после того, как она сбежала, муж может её просто убить и прикопать где-нибудь!

Вдруг в её затуманенном болью сознании, раздался голос Феде:

– Эти бараки все снести пора! Да и весь микрорайон застроить и камеры навесить. А то даже в единственном магазине камер нет! Через день туда ребята гоняют то на грабёж, то на убийство. С другой стороны, обитающие там бомжи бывают нам очень полезны...

Речь шла о знакомом Фае райончике города. Когда она убегала из дома, тоже жила там. Восемь барачных, расселённых лет десять, а то и пятнадцать назад, стояли и сейчас нетронутыми. У местных властей руки не дошли их разобрать. Да и район не перспективный, сильно отдалён от города. Раньше там был завод, который давно закрыли. А когда бараки расселили, в окрестностях осталась всего с десяток жилых кирпичных домов. И все, кто мог, давно переехали жить в более благополучные и благоприятные районы. Рядом был гаражный кооператив, стихийная свалка, пустырь. Брошенная всеми окраина города, по-другому и не назвать.

Фая шла туда. Она продолжала старательно избегать камер: обходила стороной магазины, крупные перекрёстки, подъезды новых домов. На старых не спешили вешать камеры, но вот новые дома все были оснащены видеонаблюдением.

Дорога заняла много времени. Пальцы на ногах, обутых в кроссовки, начали замерзать. Если бы Фая могла идти быстрее, у неё получилось бы согреться. Но идти быстрее никак не получалось. Каждый шаг отзывался новой болью, и она уже искусила нижнюю губу, только бы не издавать лишних звуков. Вдруг какой-нибудь случайный ночной прохожий её заметит? Так, может, внимание не обратит, но если она будет стонать от боли, то это точно привлечёт взгляды. Её могут запомнить. А потом, может быть, эти случайные ночные прохожие по доброте душевной помогут Феде найти её. Фая сама себе удивлялась! Видимо, восемь лет рядом с мужем давали о себе знать! Никогда, за всю свою жизнь, она не была так осторожна.

Фаина добралась до барачков только тогда, когда уже начало светать. Первый же барак, в который она сунулась, был занят бомжами. Они храпели, лёжа вповалку, и воняли так, что у Фаи заслезились глаза. На цыпочках она вышла, осмотрелась и пошла к самому дальнему, полуразрушенному барачку. Ей повезло, здесь было пусто.

Она нашла уголок, подальше от окон, забилась в него и почти мгновенно уснула.

– Вот ты где! – раздался радостный голос мужа. – А я-то думал, тебя дольше искать придётся!

Фая проснулась и вскочила на ноги. От резкого движения в глазах потемнело, а тело тут же отозвалось острой болью. Поморгав, она открыла глаза и поняла, что мужа рядом нет. Но его голос в голове прозвучал так отчётливо, так громко, что трудно было поверить, что это было лишь во сне.

Оглядевшись, Фая не сразу поняла, где находится. Она с трудом вспомнила, как брела по улицам города в поисках места, где бы приткнуться голову, и как пришла к этим старым барачкам. Находиться здесь было небезопасно. После сна тело болело гораздо сильнее. Хотелось выть от безысходности и боли. А ещё хотелось плюнуть на всё и отправиться к матери. Но она понимала: мама её домой не пустит. А если пустит, то тут же позвонит Феде.

С трудом волоча ноги и чувствуя приступ тошноты, Фая выползла во двор. Судя по солнцу, время уже было плюс-минус обед. Хотелось пить. Она знала, что здесь есть колонка с водой. Эти бараки никогда не были подключены к общей городской системе водоснабжения и канализации. Во дворе стояли вонючие деревянные кабинки, а чуть в стороне виднелась и колонка. Добравшись до неё, Фая с трудом опустила рычаг и кое-как умылась. Хотела и попить, но остановилась: здесь наверняка пили бомжи и было как-то неприятно.

«Совсем ты изнежилась, Фуфайка!» – с иронией подумала она.

Ещё немного подумав, она снова нажала на рычаг, кое-как сполоснула кран и наконец немного попила. Тошнота чуть отступила, но ноги дрожали от слабости. Нужно было куда-то идти, что-то делать, но в тяжёлой, затуманенной голове не было ни одной светлой мысли.

Фая понимала, что муж будет её искать. Три года назад, когда она впервые заикнулась о разводе, между ними состоялся короткий разговор.

– Развод я тебе не дам, – спокойно сказал Федя. – Пока я сам не решу от тебя избавиться, ты будешь жить со мной.

– Но я подам в суд!

– А я объявлю тебя сумасшедшей и упеку в психушку, – усмехнулся муж. – И связи для этого у меня имеются. Поверь мне, там тебе не понравится!

Фая, онемев, смотрела на Федю, не понимая, в какой момент из любящего и заботливого мужа, он превратился в монстра! Словно прочитав её мысли, он обнял и примирительно сказал:

– Со всеми бывает. Ты прекрасно знаешь, нет идеальных семей. И до замужества ты жила в убогой квартирке, с убогой матерью, недалёкой сестрой. Где был твой отец, думаю,

напоминать не стоит? И как паршиво он закончил свою жалкую жизнь? Ну погорячился, подумаешь. С кем не бывает? Тебе чего не хватает-то? Деньги даю, сидишь дома. А ребёнок... Жаль, конечно, что ты не смогла его выносить. Жаль, что оказалась такой слабой. Но ничего. Какие твои годы? Ещё родишь. А теперь иди на кухню и приготовь чего-нибудь вкусненького!

И он слегка подтолкнул её в сторону двери...

Эти воспоминания отзывались страшной болью, но не в теле, а внутри. Бежать нужно было уже тогда и тщательно подготовившись! Денег для неё Федя не жалел, и при разумной экономии, она могла бы отложить небольшую сумму, которой бы хватило на первое время. Уехала бы автостопом подальше, сняла бы комнатку, нашла работу...

И опять сложность. Официальное трудоустройство легко отследить. Федя нашёл бы её где угодно.

Чувство безнадёжности настолько сильно накрыло Фаю, что она ухватила рукой за колонку, чтобы не упасть. Вспомнился недавний сериал, который она смотрела по телевизору. Будучи домохозяйкой, она смотрела много сериалов, и всегда героини в них, оказавших в трудных ситуациях, выходили из них в роскошную жизнь. То мужик им подвернётся обеспеченный, сильный, уверенный в себе, который мгновенно решит все проблемы, то родные помогут, а то и друзья. Но у Фаи не было никого. Да и в чудеса она никогда не верила.

«Единственное, во что я могу верить – это только в себя, – подумала она. – Никто мне не поможет. Да и е помогал никто и никогда. Мне нужно бежать! Но куда? Как?»

Кроме себя она переживала за маму с Мариной. Без её поддержки им придётся несладко. Мама получала крошечную пенсию, а Марина... Марина ни дня в своей жизни не работала. И Фая себя винила в том, что так избаловала сестру, сделав её совершенно непригодной для жизни. А сейчас она ещё с маленьким ребёнком! И так не закончила даже 11 классов.

От всех этих раздумий или из-за вчерашних побоев страшно разболелась голова. Фая хотела вернуться в барак, но услышала, как подъехала машина. Здесь была тупиковая дорога, что практически исключало появление здесь автомобилей. Она знала, кто приехал.

«Менты! – пронеслась в голове мысль. – Очередная облава на бомжей!»

«Облава» на бомжей – это изобретение Феди. Когда не могли поймать мелких воришек велосипедов, или нужно было на кого-то повесить кражу кошелька, устраивалась облава на бомжей. Брли первого зазевавшегося, везли в участок. А там уж он подписывал всё, что ему скажут.

Недолго раздумывая, Фая метнулась в сторону поросли кустов, и там, чуть ли не ползком потихоньку стала передвигаться в сторону гаражного кооператива. Дальше гаражей – пустырь и трасса. А ещё кладбище. Недолго думая, Фая отправилась именно туда, решив, что никто её среди мертвецов искать не будет. А если выбрать какую-нибудь заброшенную могилу, да устроиться возле неё на лавочке, то, может, получится даже немного спокойно вздремнуть.

Проходя мимо гаражей, Фая почувствовала восхитительный запах жареного мяса. Кто-то явно решил приготовить шашлыки, не отходя от ремонта машины. В животе заурчало. Оглядевшись, Фаина увидела небольшой мангал, стоящий напротив раскрытых ворот какого-то гаража. Вокруг которого никого не было видно. Не в силах сдерживать себя, она быстро подскочила к нему, схватила ближайший шампур и также быстро скрылась за другой линией гаражей. Шашлык выглядел очень аппетитно, но откусив первый же кусок, Фая подумала, что несмотря на свою непростую жизнь, она ещё никогда не воровала.

Вкусное мясо таяло во рту. Девушка ела быстро, обжигая язык и губы. «Человек, замаринованный это мясо, явно знает толк в шашлыке!» – подумала Фая. Она сама знала пять способов приготовить мясо для мангала, но украденная свинина была приготовлена неизвестным ей способом.

Муки совести приглушил голод. Но буквально через несколько минут она услышала громкий мат. Видимо, пропажу уже обнаружили. Хромая и преодолевая боль, Фаина вылетела из гаражного кооператива. В руках она всё ещё сжимала шампур, на котором оставалось три довольно больших куска мяса.

Двигаться вдоль трассы до кладбища, она побоялась, поэтому шла за редкими деревьями чуть в стороне от дороги. Отойдя на порядочное расстояние от гаражей, она присела на большом камне и доела свой сворованный обед. Утолив голод, Фая почувствовала новые угрызения совести. Воровка! По-другому никак не назвать.

На кладбище в будний день было довольно пустынно, малоллюдно, и это не могло не радовать. Фаина сразу прошла в старую часть. Она бывала здесь раньше: у Феи здесь огромное семейное место, где похоронены бабушки, дедушки и его родители. Как-то не сильно задумываясь, Фаина пошла именно туда. Федя очень хорошо облагородил место упокоения своих предков: ландшафтный дизайн, белый мраморный щебень, местами каменная плитка. Огромные памятники и широкая каменная скамья. Сейчас она уже нагрелась на солнце, и наверняка полежать на ней будет даже приятно. Но вместо того, чтобы устроиться на отдых, Фаина, едва дойдя до нужного захоронения, упала на колени перед памятником Феиных родителей и начала им жаловаться:

– Как вы воспитали такого человека? Федя рассказывал о вас только хорошее! Как, ну вот как? Я не понимаю! Что вы за люди? Может, и вы не так хороши были?

Вдруг Фая отчётливо представила, как здесь, на этом семейном захоронении появится ещё один небольшой памятник. Большой она бы никогда ему не купила. Он стоял бы у самого края, в тени огромного памятника его родителям. А вместо имени на надгробии она бы заказала такую надпись:

Спи беспокойно. С ненавистью, от жены.

Глава 2

Фая, вымотавшись, всё же прилегла на лавочку. И тут же уснула. Ни сколько её передвижения по городу и за город вымотали, сколько бесконечная боль. Она даже в какой-то момент подумала, не умрёт ли без медицинской помощи? Вдруг у неё серьёзные травмы? Но мысли оставили её, стоило только закрыть глаза. Вздремнув час или два, Фаина проснулась. Солнце уже опускалось, значит, время было вечернее. Она немного посидела и прислушалась к себе. Вроде частично боль утихла. По крайней мере, теперь она чувствовала, где конкретно болит, а до этого казалось, что ноет всё тело.

Очень хотелось пить.

Но идти куда-то совсем не было сил. Фая смотрела на памятники и вдруг вспомнила бабушку. Она никогда не была на её могиле и даже не знает, где та похоронена. В то время, когда мама занималась похоронами свекрови, девочки были в приюте. А когда вернулись домой, там уже и духа бабушкиного не было.

Никогда мама не водила их на кладбище. От других Фая слышала, что бывают такие дни, когда все ходят к умершим. Но в их семье такого не было. Впервые она познакомилась с поминальными днями, только когда уже начала встречаться с Федей.

И вот сейчас, когда казалось, что в жизни не осталось ничего светлого, вдруг захотелось найти могилу бабушки. Что это было за странное желание, Фая не понимала. Она по ней никогда не скучала, не вспоминала добрым словом. Не скучала и сейчас, когда думала о её могиле. Может, ей просто захотелось наполнить своё пребывание на кладбище смыслом?

«Но как же хочется пить! – подумала Фая. – А здесь же есть вода! Правда, техническая. А выбор есть у меня?»

Выбора не было. До тех же бараков она будет ползти не менее часа. Магазинов поблизости тоже не было. А пить хотелось со страшной силой. Вдохнув, Фая пошла в сторону бака, из которого все брали воду. И она когда-то брала, чтобы помыть памятники у родных Феде.

Пить она её всё же не стала. Лишь прополоскала рот и смочила губы. А потом, вместо того, чтобы пойти в город, побрела по кладбищу.

– Девушка! – воскликнул рядом чей-то голос. Фая оглянулась, но никого не увидела. – Девушка! – снова позвал её голос. Он был немолодым. – Я внизу, внизу! Посмотрите вниз!

Фая стала шарить глазами по сторонам и увидела старушку, стоящую на четвереньках у могилы.

– Помогите мне, девушка! Я хотела могилку прибрать, а спину как защемило! Встать теперь не могу!

Очень медленно соображая, Фая подошла к старушке. Старушка была не маленькая, а довольно объёмная женщина. Наверное, самым правильным было бы попросить у неё телефон и вызвать подмогу. Скорую или родственников. Но Фаина просто не сообразила. Она ухватила за женщину и усадила её на скамейку. От напряжения боль, начавшая утихать, усилилась и она не сдержала громкий вскрик.

– Что с тобой? – испугалась старушка.

– Всё нормально, – процедила сквозь зубы Фая. – Как вы домой добираться будете?

– А меня сын заберёт, – беззаботно сказала она. – А уж двигаться не буду, посижу. Возьми, деточка. Это всё, чем могу тебя отблагодарить!

Она протянула ей пакет с семью сухими печеньями.

– Привезла, чтобы на могиле оставить, – пояснила старушка. – Но ты уж не побрезгуй, возьми!

– Спасибо, – буркнула Фая, засовывая печенье в карман.

– А ты кого навестить приехала?

– Ищу бабушкину могилу. Но я не знаю, где она похоронена.

– Э, милая! Так ты до ночи рыскать будешь. Год-то, когда умерла, помнишь?

– В 2004 или 2005.

– Вот гляди, – принялась разъяснять старушка, – кладбище на квадраты поделено. Видишь дорожки?

– Вижу.

– Подходишь к квадрату, смотришь на ближайшем памятнике год смерти. В одном квадрате примерно одного года покойники лежат. Если, конечно, твою бабушку в семейное место не захоронили.

Фая кивнула, и не поблагодарив старушку, пошла дальше. Ей не понравилось, что та внимательно на неё смотрела. Вдруг запомнит? Она не чувствовала себя в безопасности рядом с другими людьми. Не могла отделаться от мысли, что если Федя запустит её поиск, эти люди её запросто сдадут. Лучше ни с кем не контактировать.

Она брела по кладбищу, забыв смотреть на памятники, но вспомнив цель своего визита, остановилась и огляделась. Перед ней была страшно заброшенная могила с небольшой табличкой. Почему-то Файке подумалось, что бабушкина будет выглядеть примерно так же. И как же она удивилась, поняв, что это и есть могила её бабушки!

Здесь не было оградки, скамейки. Не росло цветов. Много старой сухой травы, и свежей, отросшей уже в этом году. Смотрелось убого, но именно такой и была жизнь бабули. Разве человек, постоянно крывший матов родных внучек, невестку и сына, заслужил, чтобы они ухаживали за её могилкой?

– Ну здравствуй, бабушка. Не ожидала меня увидеть?

Та, конечно, ничего не ответила. Фая буравила взглядом табличку, на которой было написано:

Ичетовкина Ольга Аркадьевна

12.03.1946-07.04.2005

И всё. Больше никаких приписок, на вроде «Вечная память» или «Покойся с миром» не было.

– Ты, наверное, сейчас в могиле переворачиваешься, – усмехнулась вдруг Фая. – И здесь твоё обиталище посмели потревожить! Как тебе пукается в одиночестве? Ах, прости. Наверное, уже отец, твой сын, тебя потеснил. Может, и я скоро к тебе присоединюсь. И будет у меня такая же заброшенная могилка. Никому я не нужна. Никто обо и не вспомнит. Мать с Маринкой разве что, и то из-за того, что денег им давать будет некому.

Она замолчала, продолжая глядеть на бабушкину могилу. Внутри всё переворачивалось. Перед глазами строем маршировали дни её жалкой жизни. Файка вспомнила, как бабушка била её по рукам, когда та тянулась за добавкой. Вспомнила, как она матом кричала на неё, когда, встав рано, Фая шумела. И как била её веником, если она приходила после прогулки в грязных ботинках.

Внутри что-то щёлкнуло. Фая опустилась на колени, и уже не чувствуя боли в избитом теле, руками стала вырывать траву с могилки бабушки. Она рвала её так остервенело, что сама бы испугалась, увидев себя со стороны. Некоторые растения не так-то просто было вырывать. Но Файка всё равно дёргала, обрывала и складывала в кучу. А спустя время могила бабушки приобрела более ухоженный вид. Пройдясь вдоль могил, Фая заметила одну, сплошь покрытую цветами. Недолго думая, она прямо пальцами выкопала один небольшой цветочек, вернулась к могиле бабушки и посадила его. Подумала, что хорошо бы полить ещё, но воды у неё не было, да сил бегать до бака и обратно тоже нет.

– Спи спокойно, – произнесла Фая торжественно. – Хотя ты и не заслужила спокойный сон!

Она поплелась обратно немного другим путём, чтобы снова не встречаться со словоохотливой старушкой. Авань, не запомнит её. Добравшись до бака с водой она, как могла, оттерла свои перепачканные кладбищенской землёй руки, и плюнув на все соображения гигиены, попила. Хотелось принять душ и сменить одежду, но где взять другую? Конечно, можно отправиться на рынок. Там есть совсем недорогие вещи. Но тратить единственную тысячу не хотелось.

Умывшись и кое-как приведя себя в порядок с помощью расчёски, Фая задумалась, что теперь ей делать. Нужно было решить что-то с ночлегом, но, кроме тех же барачков, в голову ничего не шло.

«Может, пронесёт, – подумала она. – Вряд ли в один день две облавы устраивать будут!»

Она достала из кармана пакет с печеньем, достала одну и с хрустом разжевала. Печенье, само по себе сухое, было ещё и старым. Но она съела его с аппетитом, оставив остальные шесть штук на завтра. Было пока непонятно, что готовит ей новый день, поэтому растрачивать имеющиеся ресурсы не хотелось.

На улице темнело и кладбище пора было покинуть. Фая не хотела оставаться здесь на ночь. Она не боялась, но здесь не было укрытия, а к вечеру набегали тучи. Да и тёплый день закончился и воздух стал весьма прохладным. Делать было нечего, и Файка поплелась обратно в сторону заброшенных барачков.

Самая сложная часть пути – трасса. Она не боялась машин, но людей, которые сидели за рулём. Это могли быть знакомые Феди. Или она могла бы попасться на камеру видеорегистраторов. И снова Фая старалась держаться стороной от дороги, по возможности укрываясь за редкими деревьями.

Ночного города она никогда не боялась. Не боялась злых людей, асоциальных элементов. Со всеми она встречалась в жизни и не раз. Она и сама, по сути, была таким вот асоциальным элементом по праву рождения, поэтому шла без страха, даже тогда, когда солнце село и над городом сгустилась ночная тьма.

Несколько раз она делала передышки. Просто было настолько больно, что Фая была готова в любой момент лечь и спокойно умереть. Но в голове стучала одна назойливая мысль, которой она себя и подбадривала:

«Я обязательно выживу!»

Жить хотелось со страшной силой. Сама с собой рассуждая, Фая не видела выхода из своей ситуации. Она без денег, без крыши над головой. Единственное место, где она может приткнуться голову – полуразрушенный барак, и то никто не даст ей гарантии, что и туда навьдаются божьи и просто прогонят её.

«Мне нужна работа, – размышляла Фаина. – Пожалуй, это первое, что я могу попробовать сделать. Найти неофициальную работу. Дворником или уборщицей, например. И желательно всё в том же районе. Федя не будет искать меня там. А если будет... Ну что же. И я не так проста. Попробую удрать. Сегодня же получилось! Но жить в таком страхе нельзя. Страх загоняет меня в угол, заставляет суетиться. Нужно действовать слаженно и чётко. Именно так учил меня Федя, когда мы с ним только познакомились. Какая же я была тогда дура! Развела уши и позволила загнать себя в такое положение! Изнежилась за восемь лет относительно комфортной жизни. А Федя-то, Федя! Вот уж кто совсем не дурак! Легко нашёл себе жертву, которую можно подчинить, поработить и удовлетворять свои садистские наклонности».

Ненависть обожгла сердце, заставив его биться. Пока Фая рассуждала, она сидела на том же камне, где днём ела сворованный шашлык. И чувствовала себя уставшей, обессиленной и неспособной двигаться дальше. Но эта ненависть к мужу, подхлестнула её и она, встав, отправилась дальше.

Фая вспомнила, как он потушил об неё сигарету. В тот день он её не бил. Конфликт начался на ровном месте...

К Фая пришла подруга по училищу, принесла вино и они, заболтавшись, просидели до самого вечера. Фёдор пришёл с работы, познакомился с подругой, а та, поняв, что засиделась, ушла, даже не представляя, что случится дальше.

Федя закурил, не сводя внимательного взгляда с жены. А потом спросил:

– Это кто был?

– Катя, – ответила Фая, быстро накрывая на стол, чтобы накормить мужа. – Моя подруга из училища.

– Проститутка, – коротко заявил Федя. – Шалава. Таким не место в нашем доме!

– Да ты что! Катя хороша девушка, – возмутилась Файка. – Замуж собирается. Работает поваром в детском саду. Очень детей любит!

– Я сказал, что ей не место в нашем доме! – рявкнул Федя. – Поваром работает! Ворует мешками! И ты не будешь с ней общаться! Забудь свою прошлую жизнь! Мне и так хватает твоих родственничков-дармоедов, ещё подружек не хватало! У тебя есть я и только я! Поняла?

– Да ты чего взъелся-то? – осторожно спросила Фая, делая осторожный шаг назад.

– Ты замужем, – тихо сказал Фёдор. – И единственный человек, о котором ты должна думать, единственный твой друг, единственный с кем ты будешь общаться – это я.

Он встал, усадил жену за стол, взял её руку и потушил о запястье сигарету. Фаина негромко вскрикнула.

– Это лишь предупреждение. Чтобы больше я никого здесь не видел. Ни твою мамашу, ни сестру. Ни подруг сомнительного происхождения. Поняла?

Фая кивнула. Ей вдруг захотелось заплакать, но слёз не было. Она никогда не плакала.

Шрам с того дня оставался до сих пор. Крошечный, едва заметный, но он был, как напоминание о жестокости мужа. И сейчас Фая непроизвольно провела рукой по месту, где он располагался. И снова ненависть обожгла её изнутри.

Нет, она точно выживет. Она будет вгрызаться в жизнь зубами и когтями. Найдёт выход из этой тупиковой ситуации. А пока поспит. Тем более что нужный ей барак уже замаячил на горизонте.

Глава 3

Вторая ночь выдалась просто ужасная. Стоило Файке добраться до барака, как на землю обрушился настоящий ливень! Внутри, к счастью, снова никого не было. И Фая быстро сообразила почему. Бараки были двухэтажными, деревянными, прогнившими. И этот, самый разрушенный, практически не имел крыши. Внутри попадала дождевая вода, а от сырости стало совсем уж холодно.

Фаина нашла себе небольшой пяточок, где сохранялась относительная сухость, села и обхватила руками ноги. Её колотило от холода. Непогода принесла похолодание. У неё не было ничего, чтобы согреться, ничего, чтобы попытаться разжечь костёр. Да и как его здесь разжечь? Так и спалить барак можно. Даже в дождь.

Она пыталась уснуть, но ничего не получалось. От холода снова усилилась боль и терпеть её уже не было никаких сил. Дома у Фаи были и обезболивающие, и тёплые вещи. В голову так и лезла сухая и чистая квартира, которую она считала своей последние восемь лет. Она представила, как встаёт под горячие струйки воды в душе. Почему-то от этих мыслей стало не теплее, а ещё холоднее.

«Вернусь, Федя меня убьёт, – мелькнула спасительная мысль. – Убьёт точно! Ни за что не простит мне, что я посмела сбежать. Тогда и весь комфорт, о котором я сейчас могу только мечтать, покажется мне мучительным. Но как же холодно!»

Дождь постепенно стих, но внутри продолжали попадать капли. Фая стала проваливаться в какое-то тяжёлое полузабытьё, но приходила в себя, сильно вздрагивая всем телом.

«Вот так засну навсегда, а утром найдут уже мой труп, – подумала она вяло. – Нет никаких сил бороться. Хочется уже просто закрыть глаза и не проснуться».

И Файка расслабилась. Словно отпустила всю ситуацию на самотёк. Тело перестало колотить крупная дрожь, хотя она ничуть не согрелась. Тяжёлые веки сомкнулись, и она уснула.

Ей снилось, словно она стоит на огромной свалке, а рядом кто-то говорит:

– Вот такая у тебя жизнь. Помойка.

– Фу! – сказала Фая. – Воняет! Не хочу здесь жить.

– У тебя есть варианты?

– А кто это вообще говорит? – возмутилась Фая и стала оглядываться. Свалка исчезла. Она оказалась стоящей в квартире Феи. Теперь погром был здесь, и он почему-то отозвался болью внутри. Эта квартира, где она с такой тщательностью и старательностью поддерживала порядок! Фая рассматривала покрытую пылью мебель, мусор на полу, смотрела на жирные и старые пятна на диване. Диван почему-то был не Феин, а тот, на котором когда-то спала бабушка. В носу стоял всё тот же неприятный запах. В конце концов, Фая не выдержала и чихнула. И только теперь проснулась.

На неё смотрели два страшных глаза из густой растительности на лице. Казалось, что за ней пришёл чёрт, чтобы забрать её душу в преисподнюю. Но это первое впечатление было обманчивым. Перед ней на корточках сидел ни чёрт, ни леший, а самый настоящий бомж. И это от него воняло так, что она проснулась.

– Чего тебе? – буркнула Фаина недовольно.

– Ты кто такая? – хрипло спросил бомж и закашлялся. Фая прикрыла своё лицо руками.

– И как здесь очутилась?

– Тебе какая разница? – буркнула Фая в ответ. Она встала, потянулась.

– Да мне без разницы. Только это мой барак.

– На нём этого не написано.

– Дерзкая, да? – жалобно спросил бомж и поёжился. Фая не чувствовала, чтобы он был для неё опасен. Слишком хилый, даже для бомжа. – А выпить есть у тебя? Душа горит, мочи нет!

– Выпить нет. Да ты бы завязывал, – посоветовала Фая. Её маленькая сумка с небольшой суммой денег была припрятана за пазухой, и она слегка провела рукой, чтобы убедиться, что та на месте.

– Поучи меня ещё, – буркнул бомж. – Как ты здесь оказалась-то? Вроде чистенькая. Ручки белые. Не наша ты, не бродяжка. Муж из дома выгнал, что ли? – и он хрипло рассмеялся.

– А если и так, то что? Что ты ко мне прицепился? Дел других нет, что ли?

– Не кричи, девушка! – простонал бомж морщась. – И так башка раскалывается, мочи нет! Ещё ты визжишь, курица недорезанная! Денег бы лучше дала. Вона какая ты!

Фая хмыкнула. Она встала, потянулась и посмотрела в окно. Сквозь щели досок, которым оно было заколочено, пробивались лучи солнца. Хотелось скорее выйти и подставить своё замёрзшее, онемевшее тело их теплу.

Она пережила ещё одну ночь. Выжила, не загнулась, не сгнула.

Бомж рядом продолжал стонать и жаловаться на жизнь, но Фая его не слушала. Большинство из местных обитателей сами выбрали себе такую жизнь, и она их не жалела. Она помнила дядю Петю, местного «авторитета». Ей тогда было лет пятнадцать, и вместе с компанией Фая пришла сюда как-то вечером, чтобы вдали от дома и родительских глаз пить, кутить и веселиться. Но вечер тогда пошёл не по плану.

К их костру, разведённому в старой бочке во дворе барака, пожаловал дядя Петя. Они его знали, но раньше он не стремился провести с ними время. А в тот вечер присел к огоньку, угостился, как вдруг, одна из «залётных» в их компанию девчонок, спросила:

– Что же вы в ночлежку не пойдёте? И у меня мама там волонтером подрабатывает. У них есть еда, кровати, одежда...

– Ага, – хрипло сказала дядя Петя. – А ещё работу они готовы найти. Не хочу! Я свободный художник.

– Художник? – удивилась та же девчонка, чьего имени Фая уже и не помнила.

– Рисую свою жизнь яркими красками. Никто мне не указ. Нет у меня ни законов, ни государства. Еда находится, выпить появляется. Крыша какая-никакая тоже есть. А все эти заморочки, этикетки-шметикеты, соцпакеты и работа с утра до ночи – это не для меня.

И только тогда Фая впервые задумалась, что не все бомжи – заложники обстоятельств. Большинство выбрало такую жизнь сознательно. Но сейчас, став взрослой и узнав, что жизнь может быть сытой, чистой и уютной, она не собиралась выбирать для себя бродяжничество. Но вот только выбора у неё никакого не было.

На улице было прохладно. Фая надеялась согреться, но у неё ничего не получилось. Плюс вода в колонке, которой она умылась, была очень холодной. Даже пить её Файка не стала. Сегодня она решила добрести до местного магазинчика, и купить бутылку минералки.

Тело продолжало болеть, но Фая показала, что она как-то свыклась с этой болью. Боль казалась неизменной спутницей её жизни. Немного постояв на солнце и ветру, чтобы лицо и руки обсохли, Фая двинулась в сторону магазина. Она его хорошо знала. Раньше там можно было купить алкоголь и сигареты без паспорта. Поэтому подростки так любили это место. Как обстоят сейчас дела, Фая не знала, но надеялась, что единственный в этом районе магазинчик продолжает свою работу.

Он был всё там же и выглядел так, словно шагнул из прошлого. Вывеска изрядно выцветла и издалека было даже не прочесть, что на ней написано. Да и вблизи этого сделать не получилось, если бы Фаина не знала, что на ней большими буквами выведено: «Вкусные продукты». На старенькой пошарпанной двери висела такая же выцветшая бумажка с надписью: требуется продавец. И было непонятно, нужны здесь ещё продавцы или её просто забыли снять.

Внутри магазин совсем не оправдывал своё название. Здесь пахло старыми, давно не мытыми холодильниками, затхлостью. Расположенный в подвале с единственным крошечным окном под потолком, забранным решёткой, он был каким-то тёмным. Особенно когда сюда заходишь с улицы в такой яркий и солнечный день.

Ассортимент магазина был всё таким же бедным, каким Фая его помнила. На одной полке в ряд стояли сахар, мука, макароны, гречка, рис и пшено. На полке ниже расположились тушёнка, консервированный горошек, килька в томатном соусе и сардины. Ещё одну полку занимали соль, немного специй, два вида подсолнечного масла. Дальше шёл большой стеллаж с пивом разных видов, но все как один дешёвые. Ещё пара видов водки, и гордость магазина – коньяк неизвестного происхождения. Здесь же стояла одна холодильная витрина, где тосковал пакет кефира, пакет молока, немного сыра, пачка масла, чуть-чуть какой-то неаппетитной с виду колбасы. Рядом с кассой лежали пакетики семечек, сухарики, чипсы и большой стеллаж со свежим, вкусно пахнущим хлебом.

В магазине было пусто, если не считать мужчины, стоявшего с недовольным лицом за кассой. Ещё раз бегло оглядев ассортимент, Фая поняла, что магазинчик не соответствует никаким нормам. Здесь вряд ли официально трудоустраивают, но это-то Фае и нужно.

– Чего тебе? – спросил он, оглядывая покупательницу.

– Воды, – попросила Фая.

– Колонка на улице есть, – снова буркнул мужик, но достал бутылку минералки. – 48 рублей.

Фая достала сумочку, протянула ему пятьдесят рублей и спросила:

– Вам продавец нужен?

Мужик снова осмотрел её придирчивым взглядом. Выглядела она явно не лучшим образом: помятая, уставшая, в старом спортивном костюме.

– Нужна, – процедил мужик. – А работать-то ты умеешь?

– Умею.

– И где до этого работала?

– Поваром в кафе «Райское наслаждение».

– И чего ушла? Выперли? Поди воровка?

Фая вздохнула.

– Обстоятельства так сложились, вот и ушла. Так нужна продавщица или как? Долго думаешь, сейчас уйду и ищи-свищи! Что-то я у тебя тут очереди из желающих не наблюдаю.

– А ты с характером, – улыбнулся мужик. – Здесь так и надо. Контингент тут двух видов: алкаши и бомжи, а ещё старики. И те и другие мозг выносят конкретно. Все кругом надуть пытаются! Как звать?

– Фаина.

– А меня Саня. Только что-то ты больно неопытно выглядишь. Словно бродяжка какая! На улице живёшь, что ли?

Фая помолчала, но глаза не опустила, а продолжала смотреть Сане прямо в глаза. Тот крякнул, и самым великодушным тоном произнёс:

– Можешь жить в подсобке. Там есть раскладушка. Вечно ко мне сюда всех сырых и убогих приносит! Но если выясню, что от полиции бегаешь, сдать не сдам, но выпру отсюда. Поняла? Мне неприятности с ментами не нужны!

Фая кивнула.

– А ежели сопрёшь чего, сам тебя ментам сдам. У меня здесь всё схвачено. Крыша какая-никакая имеется. Так что я тебя предупредил.

И снова Фаина лишь молча кивнула. Она не ожидала, что найдёт работу так быстро! И пусть подвальчик не лучшее место для жизни, здесь, может, будет теплее, чем в бараке.

– Плачу триста рублей за смену, – наконец подошёл к сути Саня, ещё раз внимательно глядя на свою посетительницу.

– Сколько? – удивилась Фая. Она быстро прикинула, что если работать без выходных, не наберётся даже прожиточного минимума! Да она за один поход в продуктовый магазин в своей прежней семейной жизни тратила в два, а то и в три раза больше!

– Работа не пыльная, большого наплыва клиентов не бывает, – пояснил мужик. – Выручка маленькая, отсюда и оплата такая. Плюс жить ты здесь будешь. Считай, на аренде сэкономила. У меня три точки. Вот на двух других покупателей побольше. Но там медкнижка нужна. И работа по договору. Есть у тебя?

Фая покачала головой.

– Ну вот видишь, – противнее улыбнулся мужик. – Паспорт-то есть хоть?

– Паспорт есть.

– А трудовая?

И трудовая, и медкнижка у Фаи были. Но были дома. Не объяснять же это Сане?

– Нет.

– А телефон у тебя, убогая, хоть имеется?

Чуть заметно вздохнув, Фая снова покачала головой. Её аппарат остался дома, на зарядке. И она даже не вспомнила про него, когда убегала из дома. Саня довольно хмыкнул и попытался:

– Значит так: 300 рублей и работаешь без договора и бумажек.

– Оплата тогда ежедневно, – быстро сказала Фая.

– Ну по рукам! – обрадовался мужик. – Пока без выходных работаешь. А там или я тебя подменю, или замена какая отыщется. Вставай за кассу, буду тебя учить.

Безропотно Фая прошла за прилавок. Она понимала, что Саня, видя её положение, просто им воспользовался. И снова внутри вспыхнула злость. Пока все мужчины на её жизненном пути пользовались тем, что у неё просто нет выбора.

Глава 4

Саня оказался человеком ушлым. Объяснил Фае, что если та будет здесь ночевать, чтобы пользовалась окошком в двери. Мол, если кто постучит ночью за выпивкой, открыть окошко, взять деньги, а уж потом давать водку.

– И запомни, – в сотый раз назидательно проговорил он. – Только что-то посмеешь стырить... Всё посчитано! Выручку забираю каждый день. Приезжать буду без предупреждения. И если увижу, что тебя нет или ты что-то слямзила...

И он сделал паузу, словно давая понять, что он совсем не шутит.

– Паспорт я твой сфоткал. Если что, тебя найдут.

– Я всё поняла, – спокойно ответила Фая. На самом деле ей уже хотелось отдохнуть, но теперь предстояло до 22.00 работать официально и ночью неофициально отоваривать местных любителей выпивки. Но Файка была спокойна. В процессе разговора она поняла, что полиция в магазин даже не навещается без приглашения хозяина. Никаких проверок здесь не проводят. У Сани были какие-то подвязки, и как Фая поняла, даже лицензию на продажу алкоголя он не делал. Весь магазин был полулегальным, и по-хорошему его нужно было бы закрыть. Но в сложившихся обстоятельствах она была рада, что появилось место, где можно хоть немного заработать и даже пожить.

Несколько часов Саня провёл с ней, наблюдая, как она обслуживает немногочисленных клиентов. Сначала шли сплошь пенсионеры за хлебом. Один взял пачку масла. А после обеда потянулись и другие лица: пропитые, с трясущимися руками. Они брали в основном алкоголь. Забегали и дети, которые покупали чупа-чупсы. В целом, Саня оказался прав: клиентура магазина была совсем немногочисленная. Очереди больше двух-трёх человек не набирались. И что самое важное, работать он предложил в маске.

А случилось это вот как.

В магазинчик ввалились несколько бомжей. В маленьком помещении стало трудно дышать и Фая расчихалась. Она про себя удивилась: неужели спокойная и чистая жизнь на неё так повлияла? Раньше она бы даже особо и не обратила внимания на тяжёлые запахи, исходящие от асоциальных лиц. Когда посетители, взяв хлеба, кильку в томатном соусе и водку ушли, Саня протянул ей старую, не очень чистую медицинскую маску.

– Держи. Меня спасает. Запашина от них, конечно, жуткая! Но это наши клиенты. Так что маску натяни и отоварь.

Фая радостно натянула медицинскую маску. Всё же стоять за прилавком и «светить» лицо не очень хотелось. Ей виделось, что Федя может развесить её портрет с надписью «Разыскивается» по городу. И кто-то из местных жителей поведётся. А если будет объявлено вознаграждение за информацию... От этой мысли Файке становилось дурно.

«Не бояться! – подбадривала она себя мысленно. – Держаться! Главное, отсидеться здесь, пока тело не заживёт. А там, может, Федя меня и искать не будет... Нет, будет. Он меня много лет искал, не женился. А нашёл себе удобную девочку для битья, и отпускать не захочет. Да и знаю я слишком много».

Но эту работу трудно было назвать «отсидеться». Полежать нельзя. Только присядешь, кто-то придёт. Тело ныло, ноги и руки плохо слушались, а под конец дня ещё и дрожали, как у местных любителей горячительного.

Когда Саня уехал и оставил её одну, Фая достала припрятанное печенье и доела его. Запила минералкой и почувствовала себя немного лучше. Она заглянула в «подсобку» и присвистнула. Здесь стояли коробки, кучей были навалены пластиковые ящики. В углу она приметила раскладушку и старое, засаленное одеяло. Здесь же стоял умывальник с куском хозяй-

ственного мыла и унитаза. Без всяких перегородок. Пахло от туалета так, словно его не мыли или мыли очень редко.

За дверью висел халат. В похожих работали уборщицы. Он был грязноватым, но Фая сразу сообразила, что может им воспользоваться. Всё лучше, чем голой ходить. Дождавшись десяти вечера, она заперла магазин изнутри и отправилась в подсобку. Сняв костюм и бельё, она облачилась в этот халат. К сожалению, горячей воды не было, но Файка унывать не стала и кое-как постирала свой костюм в раковине. На это ушло очень много времени. Руки постоянно немели от холода, да и места в раковине было совсем немного для большой стирки.

Как следует отжав свои вещи, она расстелила их на ящиках. Теперь нужно было себя привести в порядок. Она не успела об этом толком подумать, как в дверь кто-то отчаянно забарабанил.

Фая открыла окошко.

– О! – обрадовался мужик. – Нашёл Санёк продавца! Выручи, дай пузырь.

И он протянул ей деньги. Фая молча взяла с полки бутылку, отдала мужику. Записала в тетрадь продажу и вернулась в подсобку. Она помылась в раковине, вымыла волосы и почувствовала себя лучше. Если бы кто сказал ей, что она будет приводить себя в порядок в подсобке магазина, расположенного в подвале, холодной водой и в раковине, она бы не поверила. Но жизнь заставляла изгаляться, соображать и пользоваться теми ресурсами, что есть. Откладывать стирку с мытьём собственного тела она не могла, потому что просто не знала, что ждёт её завтра.

Полотенца не было, и Фая немного постояла, давая телу обсохнуть. От холодной воды она сначала замёрзла, но потом ей стало даже жарко.

Раскладушка была старой, но впервые с тех пор, как она ушла из дома, появилась возможность поспать в горизонтальном положении на чём-то более-менее удобном. Но спала она урывками. Видимо, мужчина, купивший «пузырь», успел всем рассказать, что магазин работает в привычном для местных жителей режиме. Полночи к ней стучались. Но под утро всё успокоилось.

В половине девятого, когда Фая стояла за прилавком, тщательно пряча лицо за медицинской маской, приехал Саня.

– Сейчас хлеб привезут, – сказал он. – Каждый день привозят 50 буханок белого и 30 чёрного. Посмотрю, как ты товар примешь.

Фая хмыкнула. Не такая уж она убогая! Но спорить не стала. Санёк явно нашёл предлог, чтобы посмотреть, как она здесь устроилась, пересчитать ночную выручку и проверить, не спёрла ли она чего. Пока Файка принимал хлеб, он на неё даже не смотрел. Саня гремел бутылками, считал что-то, проверял. Не забыл заглянуть в подсобку, и только посмеялся, увидев сохнувший спортивный костюм.

– Ты вынеси его на улицу, – посоветовал он. – Чего сырость разводишь?

– Сопрут, – коротко сказала Фая.

– Спереть могут, – кивнул Саня и оглядел девушку. – Что, у тебя даже одежды другой нет? – и он посмотрел на халат, в котором она стояла. Скривился и поморщился.

– Нет.

Саня вышел, а вернулся со старыми трениками и футболкой.

– Во чё в машине нашёл! Выбросить хотел, ну ладно, держи! Владей!

Фая про себя лишь усмехнулась. Он протянул ей свои ненужные вещи с таким видом, словно принёс ей что-то страшно ценное и важное. Прямо от сердца старый хлам оторвал и подарил ей с самым великодушным видом! Но отказываться она не стала.

Ночью, в перерывах между сном, Фая рассуждала сама с собой, пытаясь понять, что ей делать дальше. Она понимала, что задержаться здесь не сможет. И совсем уж не лелеяла надежды, что жизнь её абы как устроилась. Остаться в городе для неё было небезопасно.

Файка подумала, что было бы круто раздобыть паспорт на другое имя, но понимала: это деньги. За деньги всегда можно найти людей, которые всё сделают в лучшем виде.

Потом она вспомнила своё блуждание по кладбищу и подумала, что ещё одним хорошим вариантом было бы «умереть». Понарошку, конечно. Пусть бы Федя думал, что она сгинула. Но и этот вариант упирался в деньги. Купить неопознанное тело, договориться на кладбище... Да и Федя мог бы потребовать экспертизу. Ресурсы есть. Недоверчивый он, да и неглупый. Фая рядом с ним всегда ощущала себя полной дурой. Он был гораздо продуманнее её. И опять же, положение, связи и деньги – вот его оружие.

Все эти мысли Файка прокручивала в голове и когда проснулась. Она стояла за прилавком, автоматически продавала продукты, но постоянно отвлекалась, сосредоточенно ища выход. И почему-то больше всего ей нравился вариант, при котором Федя будет думать, что она умерла. Но деньги, где взять деньги?

«Вот так, – горько усмехнулась Фая. – Даже умереть деньги нужны! Куда ни плюнь, всюду платить нужно. И Саня не так просто расщедрился. Как бы ни вычел из зарплаты свой «подарок»! Они с Федей два сапога пара: своего не упустят».

– Доброе утро, – раздался рядом вежливый голос. Фая очнулась и посмотрела на стоящего у кассы миловидного старичка. – Мне буханочку чёрного.

Она кивнула, быстро засунула в пакет буханку и протянула покупателю.

– Бутылочку масла с душиком, – продолжил старик. – И баночку тушёнки. А ещё гречи мешочек.

Руки Фаи работали, но сама она не издала ни звука.

– Спасибо, – вежливо попрощался старик и хотел было уйти, как Фая отмерла и воскликнула:

– А деньги? С вас 204 рубля.

– Сколько? – удивился дедушка. – А я уже заплатил.

– Нет, вы денег не давали.

Старичок, казавшийся таким милым, вежливым и добрым, хитро прищурился и выдал:

– Это ты мне сдачу не дала! Деньги в кассу засунула и теперь пытаешься честного человека оклеветать! Но я тебя прощаю.

Фая вылетела из-за прилавка и встала у двери.

– Нет, дед, – железным и холодным тоном произнесла она. – Со мной такое не прокатит. Выкуси! Плати или возвращай продукты! А то я не посмотрю на твой возраст и как тебя отделаю!

Она схватила стоящую в углу швабру. Дед коротко сматерился, достал из кармана 200 рублей и швырнул ей в лицо.

– Ещё 4 рубля, – не дрогнув сказала Фая.

И снова дед выругался, порывшись в другом кармане, отсчитал мелочь и бросил Фаине под ноги. Она спокойно подняла разбросанные деньги, пересчитала и отошла от выхода, пропуская покупателя. Тот резво, совсем не по возрасту, вылетел из магазина, бормоча под нос проклятия, но Фая только усмехнулась. Пусть бормочет! Она тоже не так проста, как кажется.

И уже позже, Фая вдруг поняла, что благодарна этому деду. Он словно вытащил из изнеженной, забитой мужем неуверенной Фаины ту уличную девчонку Файку, которая всегда могла постоять за себя. Которая не давала никому спуска. И она была рада вновь почувствовать прилив уверенности в себе. Дух авантюризма, всегда ей присущий, и внутреннюю силу, помогающую ей бороться за себя. Иначе ей в тех условиях, в которых она жила в детстве, было бы просто не выжить.

Лет в семь в соседнем дворе Фаю обидели мальчишки. Она возвращалась домой понурая: они отобрали у неё пятнадцать рублей, которые Фая копила на шоколадку, откладывая редкие подачки от матери.

Уже в своём дворе её позвали попинать мяч, и когда она отказалась, Вася, местный хулиган, строго спросил:

– Чего понурая такая?

Фая рассказала, что случилось. Кликнув парней, Вася взял Файку за руку и потащился с ней в соседний двор. Завязалась драка, в результате которой Фая вернула её деньги, а Вася, вытирая кровь из разбитого носа и отчаянно ругаясь, пояснил:

– Запомни, мелюзга, как себя поставишь, так к тебе и относятся будут. Сразу отпор не дашь, будешь вечной девочкой для битья. Поняла, дурочка?

– Поняла, – серьёзно кивнула Фая. И это правило от хулигана Васи, давно сгинувшего где-то в неизвестности, она долго применяла в жизни. И должна была вспомнить о нём, когда впервые Федя поднял на неё руку. Но даже сейчас Фая понимала, что не дала бы отпор мужу.

Фёдор сделал всё, чтобы её приручить. Окружил лаской и заботой, дал привыкнуть к новым условиям жизни, полюбить комфорт и сытость. Дарил подарки, уделял внимание. Может, поэтому на первых порах не казалось таким уж страшным, что муж её поколачивает. И что? Мать била, отец бил, бабка била. Муж бьёт. Обычная жизнь. Но только родители поколачивали её за дело, якобы в воспитательных целях. А Федя делал это для удовлетворения своих садистских наклонностей. И разницу эту Фая поняла уже слишком поздно.

А после каждого издевательства он вновь становился наигранно ласковым. Федя всегда так себя вёл: приласкает, обнимет, а потом ударит. И снова приласкает.

«Фаины больше нет. Есть Файка, которая всё выдержит. И хватит вешать нос, тряпка! Прорвёмся!» – сказала девушка сама себе, отогнала все дурные мысли о муже и стала думать о более насущных вещах.

Глава 5

Более насущными вещами для Фаины были вопросы: где жить и на что жить. То, что платил ей Саня – это курам на смех. Она прекрасно понимала, что скопить ничего не сможет. На свои первые триста рублей, она купила хлеб, консервы. Чтобы не тратиться всё время на покупку питья, Файка просто оставила бутылку из-под минералки и набрала в неё воду всё с той же колонки.

Чайника в магазине было. Фая мечтала о чашке горячего кофе, но его не было даже на полках. Видимо, кофе просто никто не покупал. Да и будь здесь баночка с заветным напитком, чем бы она его заварила? Холодной водой?

«Брось ты свои барские замашки! – сама себе внушала Файка. – Ничего, в детстве тоже бывало, ни чая дома нет, ни кофе. Вспомни пустые полки холодильника, когда мама Маринке купила новые кроссовки? И ничего, выжили».

Фая прекрасно понимала, что человек может выдержать много всякого в жизни. Даже не понимала, а сама на себе прочувствовала. Конечно, сложно. Конечно, тяжело. И мысли в голове всякие. Но если не думать, то жить становится гораздо проще. Накручивать себя всё равно никакого смысла нет. И пользы такие мысли никакой не принесут. Вгонят в тоску, а там руки опустятся и останется только сгинуть.

Вечером Фая проверила свой костюм: он был до сих пор влажным. Вентиляции толком не было, вот и высохнуть костюм никак не мог. Она уже переделась в треники и футболку, которые дал её Саня. Конечно, и то и другое было ей велико. Но она нашла кусок верёвки и сделала себе пояс. И футболку немного подвязала снизу. Зеркала, чтобы посмотреть на себя, не было. Но Фая понимала, что теперь выглядит гораздо хуже.

Тело болело значительно меньше. Особенно если не делать резких движений. Она перестала думать, что Федя мог серьёзно её травмировать: если бы было так, то она бы уже умерла без медицинской помощи. Улучшение чувствовалось, хотя до полностью здорового состояния было ещё далеко.

Вторую ночь в магазине Фая распланировала лучше. Чтобы не терять времени отдыха, она устроилась спать почти сразу, как закрыла магазин и до первого ночного посетителя продремала почти час. Что удивительно, больше никто не приходил. Но уже под утро в дверь раздался стук. И он отличался от того, каким обычно стучат местным.

Кто-то буквально барабанил по двери!

Фая сразу вскочила в испуге. Она словно на уровне интуиции почувствовала: что-то не так. Воображение мгновенно нарисовало Федю: вот, он стоит за дверью и яростно бьёт в неё кулаком, но стоит открыть, как этим же кулаком прилетит ей. Но бежать отсюда всё равно некуда. Да и дверь одна, никаких запасных выходов здесь просто не предусмотрено.

Осторожно подойдя к входу, она чуть приоткрыла окно и увидела Саню. Фая перевела дух, но тот резко приказал:

– Открывай! Живо!

Ничего не понимая, она отодвинула засов, и хозяин магазинчика влетел внутрь.

– Пять минут у тебя! Вещи свои схватила и ноги в руки! Пошла вон отсюда! – заорал он.

Фая сделала шаг назад. Скорее от неожиданности, чем от страха.

– Что случилось? – ещё не до конца проснувшись спросила она.

Саня сунул ей под нос листовку. Именно такие развешивали по городу, когда искали потерявшегося человека. На этом листе была её фотография.

– Тебя разыскивают! Смотри, не родственники, а полиция! Я тебе что говорил? Узнаю – выгоню! Если прямо сейчас ты отсюда не уберёшься, я позвоню и сообщу, что ты здесь! Поняла?

Фая быстро кинулась в подсобку. Схватила сумку, подняла с пола не очень чистый пакет-маечку и сунула туда свой костюм, остатки хлеба и консервы. Саня сначала не поверил, что она их купила, но потом, прикинул, посчитал и вытолкнул её за дверь.

– Блин, вечно сюда всякие ломаются! Не магазин, а приют сирых и обездоленных! Притон уголовников! Нужны мне эти неприятности? Вот я идиот! И где мне продавца искать, да за такую зарплату? Опять самому работать! Сплошная головная боль! – последнее, что услышала Фая, покидая магазин.

На улице было ещё прохладно, но, судя по всему, ночь была не такая холодная, как предыдущие. Фая на автомате пошла к баракам, но на полпути остановилась. На столбе возле них тоже висела ориентировка. На неё.

Подойдя, она сорвала её и быстрым шагом направилась к гаражам. Здесь, притаившись в укромном уголке, она прочла:

Разыскивается Груздева Фаина Андреевна, 1996 года рождения.

Ушла из дома 10.05.2023. Была одета в спортивный костюм бежевого цвета и кроссовки. Всем, кто её видел, просьба сообщить в полицию по номеру 02, с мобильного – 102.

Файка скомкала ориентировку и швырнула её в кусты. Она ничуть не удивилась тому, что её ищут. Это было естественно и предсказуемо. Удивительно было лишь то, что ориентировки появились только сейчас.

«Скорее всего, один день Федя выждал. Понадеялся, что я сама вернусь. Но почему сейчас? Ах, да! Район. Досюда, скорее всего, дошли в последнюю очередь. Ну что же, спасибо любителю бегать от проблем Сане. Иначе меня покупатели бы сдали, и сбежать я уже не успела бы».

И вдруг Фая почувствовала невероятный прилив сил! Это была первая действительно ощутимая удача. У неё стало чуточку больше денег, чем когда она убежала из дома, и почти две ночи она провела относительно спокойно. И даже спала под одеялом. Помылась, постиралась. Но к несчастью, костюм так и не высох.

Сидеть здесь и ждать было небезопасно. В гаражи скоро потянутся их владельцы. Нужно было уходить из города, пока большинство ещё спит. И в этот раз она пойдёт по трассе, пока не отойдёт на приличное расстояние. А там уж посмотрит. Может, поймает попутку.

Но попутка в её голове виделась небезопасным способом передвижения. Всё же она никак не сможет оценить, кто сидит внутри. А вдруг нарвётся на неприятности? Или на людей, которые позвонят в полицию? На приятелей Феде, а у него их очень много.

В таких мыслях Фая вышла в поле и остановилась. Трасса, сворачивающая в сторону кладбища, была обсажена деревьями. Но вела она в крупное село, а ей нужно было уехать в другой город, поэтому Фая свернула. Но вдоль этой трассы располагалось поле. И она была просто, как бельмо на глазу.

Мимо промчалась машина, но не остановилась и даже не притормозила. Фая почему-то думала, что первый же встречный автомобиль затормозит, её засунут в машину и отвезут к Феде. Но это не произошло. Выдохнув и мысленно укорив себя за мнительности и необоснованные страхи, она смело пошла вдоль трассы.

Когда солнце поднялось уже высоко и стало жарко, города позади себя Фая не увидела. Зато чувствовала, что она намозолила ногу. В этот момент она и решила рискнуть и поймать попутку. Она остановилась и подняла руку. Мимо проехало несколько машин, не обратив на неё никакого внимания.

«Чёрт! – подумала она. – Я, наверное, выгляжу, как бомжиха! Нужно было натянуть костюм. От тепла моего тела и солнца он бы уже высох».

Увы, эта мысль пришла в голову ей слишком поздно, и переодеться было уже негде.

На горизонте показалась фура. Фая снова подняла руку. Фура, моргнув фарами, проехала чуть вперёд и остановилась. Файка побежала к ней.

- Тебе куда? – спросил молодой парень-водитель.
- Да без разницы, – ответила Фая. – Куда-нибудь. Куда вы едете?
- В Москву, – ухмыльнулся парень.
- Нет, так далеко не надо.
- Ну садись, поедem, а там посмотрим.

Фая забралась в высокую кабину, села и чуть выдохнула, решив, что сегодня крайне удачный день.

- А как ты до Москвы поедешь? – вдруг спросила она, когда они уже двинулись в путь.
- Без отдыха? До столицы далековато будет.

- Напарник сзади спит, – пояснил парень. – Тебя как зовут?
- Аня, – ляпнула Фаина.
- А меня Дима. Давно бродяжничаешь?

– Недавно. Родители меня из дома выгнали. Мамка второй раз замуж вышла, а отчим мне под юбку лезть начал. Я пожаловалась, меня и выставили, – сочиняла на ходу Фая. Зачем она так делала, она ещё не понимала. Решение не откровенничать с незнакомыми, пришло само собой.

– А я уж думал ты очередная придорожная девочка, – широко ухмыльнулся Дима. – Только вид у тебя какой-то нетоварный.

– Ты меня поэтому в машину посадил? – нахмурилась Фая. – Я телом не торгую! Останови, я выйду.

– Да сиди уж! Видела себя в зеркало хоть? Всё, что с тобой хочется сделать, это подать тебе денег из жалости. Да накормить.

– Подумаешь! – дёрнула плечом Фая, снова чуть успокоившись. Но успокоилась она не до конца. О том, что её могут принять за представительницу древнейшей профессии, она как-то не подумала. – Я из дома без вещей ушла. Так что уж извиняй, дядя, что нашлось, в том и хожу.

– Да уж, язычок-то у тебя острый! – хохотнул Дима. – Ежа напоминаешь. Маленькая, шупленькая, но с колючками. Лет то тебе сколько?

– Восемнадцать, – не моргнув глазом снова соврала Фая. Она выглядела моложе своих лет, и сейчас решила этим воспользоваться.

– И что ты дальше делать думаешь?

– Работу найду.

– Работа – это хорошо, – кивнул Дима. – У меня жена вот маникюр делает. Знаешь, как зашибает? И клиентура у неё сплошь дамочки обеспеченные. Может, и тебе на курсы пойти?

– Чего это ты за меня забеспокоился? – глянула на водителя исподлобья Фая.

– Жаль тебя, – вздохнул Дима. – У моего друга сеструха тоже как-то из дома ушла. Да так и сгинула. Третий год ищем. Полиция ищет, по интернету фотку её везде кидаем... И совсем ничего. Никто не видел, не слышал, на камеры она не попала... Так друган мой говорит, хоть бы тело найти, чтобы успокоиться. Неизвестность убивает. Мамка ихняя совсем постарела от горя. Жалеет, что в тот день с ней поругалась, а та возьми да убеги! Ну вот куда она делась?

Фая промолчала. Да и что здесь ответить? С обычным домашним, не закалённым улицей человеком, случиться могло что угодно! И предполагать самое страшное – это нормально. Но она подумала, что если девушка жива? А найти её не могу. Может, и её, Файку, не отыщут?

– А твои тебя не ищут? – спросил Дима.

– Мои меня даже не подумают искать. Сами же выгнали! Мать с отчимом за воротник не хило закладывают. Они про меня и не вспомнят. Да и мне лучше подальше убежать. Знаешь, как они меня обворовывали? Заработаю копеечку, они отберут и пропьют.

– А другие родственники у тебя есть?

– Нет.

– Вот поэтому и жаль тебя, – вздохнул Дима. – Как бы ни учудила чего. Судьбу свою не сломала.

– А как её сломаешь? Судьба есть судьба. Никуда не денешься.

– Не скажи, – сурово ответил Дима. – Когда человек встаёт на скользкую дорожку, например, начинает грабить людей, заниматься наркотиками или проституцией, это уже пропащий человек. Много хорошего проходит мимо и исчезает где-то бесследно. Вот захочет такой человек вернуться к нормальной жизни, а у него уже судимость, а на хорошую работу бывших зэков не берут. Замуж ночные бабочки, например, редко выходят.

– Ты-то откуда знаешь?

– Я дальнбойщик, – коротко пояснил Дима. – Много людей видим, пока едем. Подсаживаем себе попутчиков, чтобы не уснуть. И придорожных девочек подвозили. За так. Я брезгую, а напарник, – Дима воровато оглянулся за спину. И только сейчас Файка заметила шторку позади себя. Он шёпотом добавил: – Ну тоже, считай, брезгует.

– Брезгую, – подтвердил сонный немолодой голос. – В компании больше двух говорят вслух!

– Спи уж, – хмыкнул Дима. – Он всю ночь фуру гнал, пока я спал.

В ответ сзади раздался негромкий храп.

– А мы ему своими разговорами не мешаем?

– Да мы люди привычные, – пожал плечами Дима. – Ночью без музыки ехать – уснёшь. Я сплю под шум, и он спит. Не парься!

Фая смотрела вперёд на дорогу. Это было так необычно, ехать словно над дорогой, где-то в воздухе! Дух захватывало. Она никогда не ездила в фуре и не представляла, каково это. Вдоль трассы появлялись и исчезали деревенские домики и только сейчас Файка почувствовала, что Федя остался где-то далеко позади. А впереди бескрайняя дорога. И от этой мысли внутри появилась радостное волнение. Захотелось вот так ехать, ехать, ехать... Просто в никуда и без цели. Просто ехать.

Глава 6

Несколько часов Фая и Дима мирно разговаривали. Обсудили состояние дорог, по которым ехали, погоду, поговорили о жизни. Дима рассказал о своей жене, дочке, родителях. А вот Файка так откровенничать не торопилась. Она чувствовала, что человек он неплохой, но доверять не могла никому. Золотое правило жизни на улице: хочешь выжить или будь одиночкой, или объединись с себе подобными.

– Жрать охота, – сказал Дима. – Время уже послеобеденное, а мы ещё не останавливались. Что скажешь, Ань?

В ответ у Файки просто заурчало в животе.

– Сейчас кафешка будет, тормознём. Там хозяйка, она же повариха, тётя Валя, на совесть готовит, а не как некоторые! На трассах всякие заведения попадают. Иногда кормят такой парашей, что потом тормозишь каждые сто метров, потому что живот прихватывает. Ну помои натуральные! А тётя Валя готовит хорошо. Из свежих продуктов, по-домашнему. У ней муж был, тоже дальнбой. Вот она и говорит, что для нас, как для него старается.

– Почему был? – поинтересовалась Фая.

– Он старше её был, умер. Сердце прихватило.

– За рулём?

– Да нет, после рейса. Хотя случается и за рулём умирают. Жизнь такая, что не знаешь, где тебя смерть поджидает. О, вот и кафешечка!

Впереди показалось неказистое строение с огромной парковкой. Здесь уже стояло несколько фур, грузовик, пара легковых автомобилей. Судя по всему, кормили здесь и правда вкусно. Но Фая замаялась.

– А дорого здесь? – спросила она осторожно.

– Да не переживай, куплю тебе обед, – хохотнул Дима. – Не разорюсь. Коль, ты с нами или как?

– Отстань, – раздался сзади голос. – Возьми пирогов впрок.

– Вот так, – сказал Дима, легко выпрыгивая из кабины. Фая же прыгнуть не решилась: боялась, что прыгнув, снова усилит боль в теле, поэтому кое-как сползла вниз. Кабину Дима запирать не стал.

– Не ворует здесь никто, – сказал он. – Все свои, дальнбои. Да и Колька, может, надумает к нам присоединиться.

Фая вошла вслед за Димой в небольшое помещение. Здесь всё было очень просто: пластиковые столы и стулья, небольшая стойка, за которой стояла женщина в возрасте.

– Тётя Валя! – обрадовался Дима. – Сама стоишь? А невестка твоя где?

– Лентяйка, – сердито сказала она. – Молодёжь! Лишь бы спать! Поработала два часа и усакала на домой. Позже притопает. Чего тебе наложить?

Дима взял две тарелки борща, две порции пюре с котлетой, набрал пакет выпечки. Ещё он купил два кофе три в одном, и Фая радостно сделала глоток.

– М-м-м! – простонала она. – Кофе!

– Ну ты даёшь! Перед тобой еды куча, а ты радуешься бурде в стакане.

Еда и правда оказалась вкусной, домашней. Фая ела с удовольствием. Прямо над их столиком висел телевизор, где показывали один из сериалов, которые Фая раньше смотрела, наводя в доме порядок. Был уже конец серии: героиня, оказавшаяся якобы в трудных обстоятельствах, уже собиралась замуж за очередного миллионера.

«Миллионеров на вас не напасёшься, – сердито подумала Фая. Сейчас её это мыло стало раздражать. – В жизни так не бывает! У миллионеров жёны красотки, ухоженные, вкладывающие в себя много денег. А не простые тётки!»

Она со злостью быстро стала уничтожать второе.

– Не торопись, никто не отнимет, – заметил Дима. – Ешь спокойно!

Но есть уже было нечего. Фая почувствовала сытую сонливость. Откинувшись на спинку пластмассового стула, она с наслаждением пила кофе. В голове без конца мелькала мысль, что она сейчас почти счастлива. Как мало нужно человеку для счастья! На самом деле мало: поесть, поспать и находиться в относительной безопасности.

Но когда в жизни всё хорошо, то простые радости уже и не радуют. Для счастья нужно больше, и больше, и больше. И Фая сейчас это так отчётливо поняла, что по телу пробежала дрожь от этой мысли. Вот она мечтала о собственном доме с любящим мужем, о сытой и спокойной жизни. Вместо этого нарвалась на Федю, но была счастлива. Потом для радости она хотела, чтобы Федя снова стал таким, каким был при знакомстве. А сейчас, потеряв всё, что она имела, Файка стала радоваться простой возможности поесть хорошей домашней еды.

– А где здесь туалет? – спросила она, выныривая из своих счастливых размышлений. – Хочу переодеться и себя немного в порядок привести.

– Там, – указал рукой на дверь, рядом со входом Дима.

Фая вышла из кафе, подошла к фуре, достала свой пакет и отправилась в уборную. Здесь было довольно чисто. Переодевшись во всё ещё влажный костюм и кое-как приведя себя в порядок, Файка смотрела на себя в зеркало. Только сейчас она смогла увидеть мешки под глазами, невероятную бледность. Но в остальном, её лицо и она сама выглядели вполне прилично. Не так хорошо, как раньше, но на бродяжку она не тянула.

Когда Файка вышла из туалета, Дима всё ещё пил кофе за их столиком и смотрел телевизор. Она перевела взгляд на экран, и почувствовала, как у неё немеют руки и ноги. Сериал закончился, и в эфире шли региональные новости. Но самое страшное было то, что на весь экран демонстрировали её фотографию! Что говорит диктор, она не слышала. Словно кто-то засунул в уши вату. Все звуки исчезли, кроме глухого стука собственного сердца. С трудом оглядевшись, Файка заметила, что большинство людей увлечены обедом. Стараясь не шуметь, она выскочила из кафе и воровато огляделась. Чуть дальше по трассе виднелся какой-то дом, и было неясно, деревня это или село, а может, и вовсе какое-то одиночное строение. За кафе же начинался лес. Недолго думая, Фая шмыгнула туда и быстро, огибая кучи мусора, ринулась вглубь.

«Только бы успеть! Только бы успеть!» – билась в голове мысль. Дима же спросил, не ищут ли её, а она соврала. И имя выдумала, и историю. Теперь он неизвестно что о ней подумает! И, конечно же, сообщит в полицию. Маленькая ложь рождает большое подозрение.

«А может, нужно было остаться и всё объяснить? Может, он меня бы понял... А его напарник? И как бы я проверила, понял он меня или нет? Он легко мог бы увезти меня до ближайшего населённого пункта и сдать ментам! Или посадить на ближайшем посту ГИБДД! Да и что теперь думать? Я сбежала, и теперь в его глазах я могу быть и беглой преступницей, и аферисткой. Да кем угодно! Он увидит, что меня нет, и так подумает. Да что за жизнь такая! Только успокоилась!»

Фая прижимала к груди пакет с небольшим запасом съестного, другой рукой придерживала свою сумочку с единственными деньгами, какие были в её распоряжении. Нужно было хотя бы сбросить скорость, но Файка спешила убраться как можно дальше. Ноги плохо слушались, видимо, от длительного сиденья или от стресса. В какой-то момент, не заметив торчащий из земли корень дерева, она споткнулась и распласталась на земле. В голове зашумело. Немного полежав и отдышавшись, Фая аккуратно села и огляделась.

Лес оказался большим. Или она, стремясь скрыться, пошла как-то неправильно и зашла в чащу. Здесь было темнее, чем в том лесу, в который она зашла. И деревья росли гуще. Стало немного страшно. Фая не спешила вставать и двигаться дальше. Она устала. От удара об землю снова заняло всё тело. Достав из пакета бутылку с водой, она сделала большой глоток и плотно

завинтила крышку. Ещё раз оглядевшись, Фая поняла, что не понимает, с какой стороны она сюда прибежала. И тропинок никаких нет.

Фая внимательно посмотрела себе под ноги. Если это не чаща, то здесь должен быть какой-то мусор от проходящих людей, как, например, за кафе. Видимо, мусор в лесу возле стоянки оставляли проезжающие мимо машины. Но здесь не было ни бумажки, ни бутылки, ни окурка.

– Ну ничего, – сказала вслух Файка. – Куда-нибудь да выйду.

Кряхтя, как старушка на кладбище, она поднялась на ноги и пошла. Просто туда, куда глаза глядят. Куда ни повернись, всюду лес. Тропинок нет, травы почти тоже. Понять направление, Фая не могла. Да и не ориентировалась она в лесу. За всю свою жизнь, она не так часто выезжала за город. Ездила за грибами, но с Федей. Вот он хорошо ориентировался! Город – её стихия, а лес – это сплошная неизвестность.

В голове крутились разные мысли. Она думала о Диме и снова чувствовала уколы совести. Он так искренне хотел ей помочь! Накормил обедом, подвёз. А она сбежала, ничего не объяснив! Но тут же эти мысли сменялись другими. Что творится в душе и голове человека, Фая узнать никак не может. А значит, всё правильно! Сбежала и молодец. Реакцию Димы предсказать было сложно. Вдруг этот добрый с виду парень, оказался бы не таким уж добрым? Да и он видел Файку впервые в жизни. И тоже мог подумать, что совсем её не знает, перестраховаться и сдать в полицию.

Фая шла уже значительно медленнее, прислушиваясь к звукам. Страшнее людей, могли быть дикие звери. Она слышала от Феи, как в их районе к людям вышел медведь. И тогда даже кто-то пострадал. Сейчас она, конечно, порядочно отъехала от дома...

– Ой! – вдруг воскликнула Фая, и её голос раздался эхом по лесу. Она прихлопнула рот и посмотрел наверх. Ну конечно! Времени-то немало прошло, скоро стемнеет. Успеет ли она выбраться из этого леса до ночи?

«Почему я в магазине спички не купила? – с отчаянием подумала она. – Продавались же! Какая же я идиотка! Расслабилась, подумала, что поджигать мне нечего. Но знала же, что уйду скитаться дальше! Хоть бы один коробок заранее купила! Эх. Что же я? Совсем неженкой стала. Но кто же знал, что удирать придётся так быстро? Должна была думать! Головой! И заранее!»

Но теперь уже сожаления не помогут. Фая только и оставалось, что идти, в надежде, что лес закончится и она выйдет или на дорогу, или к людям.

«Может, Дима уже позвонил в полицию и рассказал, что подвёз меня, – подумала Фая. – А далеко ли я ушла? Вдруг Федя организует поиски в лесу, и меня найдут? Нет, останавливаться нельзя. Нужно идти, пока силы есть и пока не стемнело».

Всё чаще стали попадаться заросли ёлок, пройти сквозь которые было невозможно. Фая начинала идти в другую сторону, чтобы их обойти. И как ей показалось, от этого она заблудилась ещё больше. В связи с отсутствием часов, Фая не знала, сколько времени. И уже думала, что нужно было спереть древний будильник из магазина. Так хоть как-то можно было бы определять время.

«А зачем тебе его определять? – насмешливо спросила саму себя Фая. – Ты что, боишься куда-то опоздать? Солнце встало – утро, село – ночь. Вот и всё, что мне нужно знать».

Когда солнце начало садиться, она услышала какой-то странный шорох где-то неподалёку.

«Люди? Звери?» – мелькнуло у неё в голове. Она распласталась на земле и закатилась под толстые еловые ветки, лежащие прямо на земле. Они кололись, но Фая не обращала внимания на мелкий дискомфорт. Поджав под себя ноги, она замерла. Хорошо, что и рост у неё был небольшой, и сама она довольно худая. Но под ёлкой места почти не было, и ветка плотно

легла прямо на неё. Со стороны вполне возможно, что её видно. Сердце громко стучало, она старательно прислушивалась, но больше никаких звуков не слышала.

Лежать здесь было неудобно. Исколов всё тело, она кое-как выбралась наружу. Солнце уже совсем село, но вышла луна и её холодный свет сделал лес ещё более зловещим.

Куда идти, Фая не знала. Стало прохладно, но пока было неясно, насколько холодной будет ночь. Она села возле той же ёлки, под ветвями которой пыталась укрыться и уставилась в одну точку.

Вдруг нестерпимо захотелось к маме. Вернуться в привычную обшарпанную квартирку на первом этаже двухэтажного дома из красного кирпича. Сидеть на старой кухне, и пить чай из железной кружки, обжигая себе губы. Слушать ворчание мамы, что Марине нужно новое платье, а то она совсем не как другие девочки одевается. Просто жить.

Но даже если Фая захочет, этого не будет.

В квартире сделан ремонт, пусть и косметический, но теперь она не выглядит так, как выглядела, когда Фая в ней жила. И она уже не была её домом. Мать, может, её и пустит, но абсолютно точно заявит об этом Феде. Ох, как он ей нравится! Ещё бы: ведь именно он их обеспечивает с Мариной. Двух бездельниц. И ещё сына Марины.

«Саня, – пронеслось в голове Фаи. – Надеюсь, он не станет таким же ушлым, как его тёзка, владелец магазинов. Почему Марина выбрала именно это имя? Какое-то оно дурацкое! Ну или мне уже так кажется?»

Мысли путались в голове. Как картинки в калейдоскопе, сменялись лица мамы, Марины, маленького племянника, Феи... Бомжа, который разбудил её своей вонью, Сани, Димы... И даже лицо тёти Вали мелькнула в её мыслях.

«Как вас много! А я совсем одна, – подумала Фая. – Никто из вас мне не поможет. Рассчитывать можно только на себя. И так хочется спать! Нет, здесь спать не буду, земля холодная. Буду идти дальше столько, сколько смогу идти».

Она встала и отправилась в путь. В какой момент ей показалось, что она не просто заблудилась в этом лесу, но с каждым шагом теряет себя саму среди этих бесконечных деревьев.

Глава 7

Фая бродила по лесу, с трудом держа глаза открытыми. Она уже настолько устала, что даже не боялась бесконечных шорохов. Просто брела куда глаза глядят и ни о чём не думала. Ближе к утру она наткнулась на полянку среди ёлок, сплошь покрытую мхом. Он смотрелся как ковёр на земле. Фая потрогала его руками. Какой он мягкий! Плюнув на осторожность, она легла на него и тут же уснула.

Во сне она ехала в фуре. Только сидела она на месте водителя, уверенно держась за руль обеими руками. Она ехала, а впереди мелькала бесконечная дорога. В голове Фаи прочно засела мысль, что путь ей предстоит долгий. Дорога была пустой, пролегла мимо полей и лесов, но не было ни одной деревни, ни одного города. Не было даже других машин. Даже здесь она была абсолютно одна, но это не пугало, а наоборот, окрыляло. Чувство радости заполнило её всю. Восторг от дороги, движения. Ехала, она, ехала, а потом открыла глаза и оказалась снова в лесу.

«Лучше бы спала дальше, – расстроено подумала про себя Файка. – Что мне делать теперь? Идти? Или остаться тут жить?»

Последняя мысль в ещё сонной голове отозвалась в ней теплом. Вот бы остаться жить в лесу! Вдали от всех. Просто жить. Добывать себе еду, строить дом. Вот только как строить? У неё ни инструментов, ни нужных знаний нет. И нет даже интернета! Так что к моменту, когда Фая полностью проснулась, у неё уже не было иллюзий, что она может жить в лесу в гордом одиночестве.

Фая сняла костюм, стряхнула бегающих по нему букашек, снова надела и потянулась. Тело прекрасно отдохнуло. Это было удивительно. Даже лучше, чем на раскладушке. Конечно, и тут и там, чувствовалась боль от побоев мужа, но она была вполне терпимой и уже не доставляла столько дискомфорта, как в первые два дня.

Радовала хорошая погода, да и ночью она не замёрзла. Фая села на поваленное дерево, отщипнула немного от буханки хлеба, запила парой глотков воды и снова двинулась в путь. Еду и воду Фая решила экономить. Вдруг она и сегодня не выйдет из леса?

При свете дня она снова не могла понять, откуда пришла ночью. Чувствуя себя опытной беглянкой, Файка вдруг поняла степень своей беспомощности в лесу. Нет нужных знаний, навыков. Куда идти, на что ориентироваться? Где-то когда-то она слышала, что можно сориентироваться по муравейнику или по мху, но эти знания давно выветрились из головы. Да и что знания без практики? Ещё можно ориентироваться по солнцу. Файка подняла лицо вверх и не поняла, где сейчас солнце. Она стояла в самой чаще. Нужно было бы найти полянку.

«Ну хорошо, пойму я где восток, а где запад. А дальше-то что? Куда идти? На восток или на запад? На север или на юг? Нет, ориентирование мне не поможет. Да что за лес такой на трассе? Разве так бывает? Или... Наверное, я из небольшого пролеска попала в самый настоящий лес. И сама этого не поняла. Да и что было понять? Я думала только о том, как бы скорее унести ноги!»

Рассуждая сама с собой, она продолжила идти. На второй день было уже не так страшно. Но через некоторое время пустая голова заполнилась мыслями и тяжёлыми воспоминаниями. Сначала вспомнилось, что в тот день, когда Фая сбежала, она сдала вещи в химчистку.

– Забрал ли их Федя? – задумчиво протянула она вслух. Хотелось просто слышать хотя бы свой голос. – И какая мне теперь разница?

Потом вспомнилось, что 15 числа каждого месяца, она давала деньги маме. Файка, несмотря на тяжёлое детство, маму любила. И никогда не могла ей отказать.

– Ты взрослая уже, Маринка младше, – всегда повторяла мама. – Должна о нас заботиться. И потом, Файка, кто, как не ты? Ты же не хочешь, чтобы мы побираться пошли? Не хочешь, чтобы снова стали жить так, как раньше?

И Фая не хотела. Она сделала остановку и принялась считать дни, после своего побега. Сбежала она 10 мая вечером. Или была уже ночь? Сейчас в голове уже всё смешалось, и Файка не стала заострять внимание на таких мелочах. Первую ночь она провела в бараке. Получается, одиннадцатого она ходила на кладбище. И снова ночевала в бараке. Но из того дня ярче всего вспомнился украденный шашлык. В животе заурчало. Отщипнув ещё немного хлеба, Фая его медленно прожевала и проглотила.

«Так, значит, к Сане я двенадцатого устроилась. Тринадцатого работала, а 14 мая он меня выгнал. Ну так и получается, сегодня пятнадцатое. Если я правильно посчитала. Мама будет ждать меня сегодня. Что же делать?»

И Файка почувствовала себя так, словно предала самых родных ей людей. Стало трудно дышать, внутри появилось беспокойство. Но теперь она даже не на трассе, а в лесу. И выбраться из него никак не сможет.

– Нам нужно на море съездить, – прозвучал в голове голос мамы. Она произнесла эту фразу, когда Фая уже собиралась домой. Это был её последний визит к матери перед побегом.

– Всем вместе поехать? – спросила Фая и прикинула, отпустит ли её Федя отдохнуть с сестрой, племянником и мамой.

– Ну да. Я, Марина и Сашка.

– А я?

– У тебя муж, – отрезала мама. – С ним съездишь! Вы же и так каждый год куда-то катаетесь! Вот совести у тебя, Файка, как не было никогда, так и нет. Нет бы нас с собой взяла... Ну да ладно, я тебя прощаю. Понимаю, с мужем вдвоём отдыхать хочется, без посторонних. Но ты с Федей поговори. Пускай и нам путёвку оформит. Хоть бы к нам на Чёрное море. Но если что, мы и загранпаспорта сделаем. И опять же, Федю попроси, чтобы он договорился и нам как-то побыстрее всё оформили. Хорошо бы в начале лета отправиться на отдых, пока не слишком жарко.

Фая слушала, и чувствовала внутри боль. Вот так, без неё.

– Ты чего застыла? Топай давай. Мне ужин готовить пора, да и тебе скоро мужа с работы встречать. Но я надеюсь, ты меня не подведёшь?

Ничего не ответив, Фая сказала просто:

– Пока, мам.

– Пока. Жду пятнадцатого! И с утречка прибегай. Поедем с тобой на рынок.

Файка выскочила из подъезда и усмехнулась. Очень часто мама звала её на рынок в день «получки». Но там она не спешила тратить полученные от дочери деньги. Она покупала мясо и рыбу, яйца, и другие продукты, за которые платила Фая. И дочь не спрашивала, есть у неё деньги или нет.

А море было нереальной мечтой. Тогда Файка шла домой с чётким осознанием, что оплачивать её матери и сестре отдых на море Федя не согласится.

Сейчас в лесу Фая погружалась в воспоминания так полно, словно ныряла в те дни, что даже не видела, куда идёт. Почему на неё напало такое состояние, она не понимала. Может, бесконечные деревья сводили её с ума, а может, она просто заблудилась не только в лесу, но и в своих противоречивых чувствах.

Возвращаться Файка не хотела и хотела одновременно. Ей было жаль мать, свою неприспособленную к жизни сестру, которая ни о чём, кроме парней и тусовок, думать не могла. А Маринка, в отличие от неё самой, была хороша собой. На неё всегда обращали внимание.

– Тебе, Фуфайка, научиться бы косметикой пользоваться, – много раз повторяла Маринка. – Ты как мышь: серая, невзрачная. С другой стороны, замуж-то выскочила. Да ещё и мужика себе нашла нормального. Отхватила! И что он в тебе нашёл?

Фая смотрела на себя в зеркало и понимала, что совсем не внешность привлекла Федю в ней. А её безнадёжное состояние. Её легко было приручить, что он и сделал. Впрочем, Маринка, зная о периодических побоях, лишь хихикала:

– Бьёт, значит, любит. Вот это страсть! Да ты дура, Фуфайка! Такому мужику нужно в рот смотреть, а ты сама, наверное, нарываешься.

Спорить с сестрой было бессмысленно, и Файка просто молчала в ответ.

«Вот куда меня жизнь привела?» – со вздохом подумала Фая, делая очередную передышку. Ноги болели. На одной была мозоль, которую она заработала ещё накануне, пока шла вдоль трассы. Но с тех пор она прошла много. Может, даже очень много. Фая сидела на поваленном дереве, уставившись на мох, и вдруг расхохоталась. Громко, в голос! И только отсмеявшись она произнесла:

– И правда, дура я! Фуфайка! Круг сделала и пришла туда, откуда ушла!

И снова расхохоталась. Это была настоящая истерика, но она закончилась так же быстро, как началась. Изнутри её просто обожгло отчаянием. Она прошла так много, но никуда не продвинулась. Всё там же, в лесу. Одна. Вокруг где-то бродят звери, на которых она до сих пор не наткнулась лишь по счастливой случайности. По крайней мере, она так думала.

Файка плюхнулась на мох и закрыла глаза. Тело устало. Она устало. Хотелось расплакаться, чтобы ослабить внутреннее напряжение, но ничего не получалось. Слез не было. Она давно разучилась плакать.

Видимо, Файка провалилась в дремоту, потому что вдруг снова оказалась на трассе. Она стояла возле фуры Димы, и словно со стороны наблюдала, как того бьют ногами какие-то мужики.

– Где она? – спросил один из них. Фая, поняв, что речь идёт именно о ней, чуть вскрикнула и очнулась. Она огляделась и поняла, что ей это только приснилось. Вокруг всё ещё был лес, а неподалёку от неё, пробежал какой-то зверёк.

Она сначала подумала кошка или собака, но потом сообразила, что это, наверное, была лиса. Только шкурка у неё была совсем не рыжая, а грязновато-коричневатая. Запоздало вскочив на ноги, Фая хотела оглядеться, но вместо этого упала обратно. Голова кружилась, а ноги её плохо держали. Дрожащими руками она открыла бутылку и сделала два больших глотка воды. Стало легче. Фая снова поднялась на ноги и осмотрелась. Рядом уже никого видно не было.

– Нападают ли лисы на людей? – вслух спросила она и поёжилась, представив, как ночью на неё набросится кто-нибудь и перегрызёт ей горло. – Не буду спать ночью. Буду идти. Я выберусь отсюда. Обязательно.

Решительность подхлестнула её к действиям, и она снова двинулась в путь. В голове она прокрутила сон, который увидела и только теперь подумала, что не только люди представляют для неё опасность, но и она для людей. Вдруг Федя как-то узнает, что она была с Димой? Найдёт того и начнёт выбивать из него информацию? Что тогда? Так она отплатит ему за доброту? За помощь?

А если кто-то ещё ей поможет, а Федя потом найдёт этих людей и накажет? Или просто навредит им? От этой мысли по спине пробежал холодок, хотя день был по-летнему тёплый, даже жаркий.

Она вспомнила Саню и испугалась даже за него. Диму-то, может, и не найдут, но вот на Саню легко выйдут. Может, кто-то уже сообщил по ориентировке, что она, Файка, работает в магазинчике. И полиция принялась за Саню. Вдруг ему навредят? Или закроют его нелегальный бизнес? А у него, кроме того подвального магазина, есть ещё и два нормальных. Каким бы

он ни был хитрым, и как бы сильно он ни обманул Фаю с деньгами, но он всё же предоставил ей место, где она смогла перевести дух. И уже за это Фая была ему благодарна.

Но какая благодарность получится, если из-за неё у Сани будут неприятности?

«Всё из-за меня, – сокрушённо подумала Фая. – Всё моё существование не имеет смысла. Я несу за собой разрушение, боль. Из-за меня могут пострадать люди. Мама, Маринка, Дима, Саня. Всё из-за того, что я сбежала. Я не думала о последствиях. Думала только о себе».

И в эту минуту Фая впервые серьёзно задумалась: не вернуться ли ей? Пусть даже Федя её убьёт. Зато закончатся эти скитания. Закончатся страхи. Всё закончится.

Глава 8

Идея вернуться к мужу казалась светлым лучом надежды в этом беспросветном лесу. Даже просто осознание того, что есть куда вернуться, грело душу. Особенно когда небо затянуло облаками, и стало ещё темнее. Хорошо, что дождь не пошёл. Фая мысленно поблагодарила небо за это.

– Ну ладно, вот, я решила: вернусь, – рассуждала она. – А как я вернусь-то? Второй день по лесу хожу, и конца не видно. И что меня ждёт? Что лучше: сгинуть в лесу или продолжать терпеть Федю?

Деревья сводили её с ума. Наверное, поэтому возвращение к тирану-мужу не казалось чем-то плохим. Мысли спутались окончательно. Эта беспросветное блуждание, невозможность найти выход давили морально на Фаю. Иногда она начинала бежать, увидев просвет между деревьями, но каждый раз оказывалась, что это всего лишь очередная поляна. К концу дня она перестала бегать и просто шла, волоча уставшие ноги. А вечером случилось то, чего Фая и боялась.

Она шла в своих путанных мыслях, думая о маме и сестре, о муже, которого боялась, но который сейчас казался меньшим из двух зол, как впереди послышался какой-то странный звук. Словно кто-то ломает ветки. Остановившись и прищурившись, Фая увидела чуть дальше, кто создаёт такой шум.

Медведь.

Она никогда раньше не видела живого медведя. Этот зверь казался таким большим и мощным! Хотя полностью его разглядеть со своего места Файка не могла, но мелькающая впереди зверина казалась огромной! От страха Фае показалось, что её парализовало. В голове не было ни единой мысли, что делать. Бежать? А вдруг он услышит её и побежит за ней?

«Весна, – промелькнула первая мысль в голове. – Когда медведи проснулись? Есть ли у него, что поест? Может, он голодный? А медведи едят людей?»

Файка сделала осторожный шаг назад, боясь даже дышать. Девушка почувствовала позади себя ствол дерева, и не сводя взгляда со шкуры медведя, мелькающей среди поросли маленьких ёлочек, спряталась за ствол дерева. А потом, сама не понимая, что делает, Фая вдруг резво принялась карабкаться вверх. В детстве с мальчишками во дворе она часто ползала по деревьям. Но много лет она уже не занималась ничем подобным, и думать не думала, что сможет залезть. Она замерла на высоте примерно двух-трёх метров от земли. Дальше лезть не рискнула. Отсюда она видела медведя, который что-то сосредоточенно вынюхивал в земле. Он никуда не торопился. Не отреагировал на шуршание пакета в руках Фаи, когда она лезла вверх. Может, для него это были какие-то незначительные звуки. А может, Фая его просто не интересовала.

Файка же, держась руками и ногами за ствол дерева, боялась только одного: что медведь не уйдёт, она рано или поздно свалится отсюда и прямо ему в пасть.

Медведь двигался не бесшумно. Он явно никого не боялся и чувствовал себя хозяином положения. Но стоило ему сделать несколько шагов в сторону, как Фая перестала его видеть. Всё же расстояние до этой поросли было ещё приличное, да и деревья уже распустились. Ей ветки значительно загораживали обзор.

Теперь оставалось полагаться только на звуки, но и те через какое-то время стихли. И было неясно, ушёл зверь куда-то или устроился на отдых.

«Здесь я в гостях, – подумала Фая. – Куда он уйдёт отсюда? А если уйдёт, а я не увижу, куда именно и сама по дурости отправлюсь за ним следом?»

От этих мыслей шевелились волосы на голове. Страх снова парализовал тело. Теперь уже было непонятно, как она вообще залезла на дерево и как будет слазить. Сколько часов она вот

так провела на дереве, Файка не знала. Но сначала опустились сумерки, потом стемнело. Из-за того, что небо было затянуто облаками, луны не было. В лесу стало совсем темно.

Фая хотела спуститься, потому что устала цепляться за дерево, как за спасательный круг. От напряжения вновь зануло всё тело, хотелось немного расслабиться. Но теперь было вдвойне страшно. Вдруг медведь где-то рядом, а в темноте она его не заметит? Осторожно двигаясь, Фая ощупала ближайшую ветку, чтобы хотя бы сесть, но она не показалась ей надёжной. Чуть спустившись, Фая замерла, прислушиваясь: не будет ли рядом каких-то звуков. А звуков в ночном лесу было много. Где-то рядом ухала сова, кто-то шуршал внизу, но судя по звуку, кто-то не большой. Фая ощупала очередную ветку. Она казалась толще и прочнее, чем та, что располагалась выше, но всё равно не была надёжным вариантом сменить позу. Файка осознавала, что она уже не ребёнок, и весит много. И ветка может просто не выдержать её. Она даже не знала, как называется дерево, за которое она цеплялась! В голове были редкие знания о берёзах и тополях, которые были высажены в их городе. И это дерево точно не то, и не другое. Что же это? Липа? Осина? В голову Фаи не пришли больше никакие названия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.